

НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 114

«ИСТОРИЯ» В ШКОЛЕ

МОСКВА ■

2021

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

«История» в школе.

Выпуск 114 — М., 2021. — 52 с.

«Опять многострадальные школьные учебники истории...»,— прошло в печати после Послания Президента России к Федеральному собранию в апреле с.г.

В 1990-е годы в результате реформы и новой образовательной политики было написано и допущено к использованию в школе большое количество разных учебников истории. Принцип их разнообразия в целом отражает известный афоризм: «История — это политика, опрокинутая в прошлое» (М.Н. Покровский). Оценки исторических событий, акценты в учебниках соответствовали тем или иным политическим симпатиям/антипатиям их составителей.

С течением времени круг разрешённых учебников сокращался, менялось их содержание. В 2013 году по поручению Президента РФ Институт Российской истории РАН разработал «Концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», предусматривающую *историко-культурный стандарт* школьного предмета по истории и методологические подходы к изучению отдельных этапов истории России.

Учебник — один из ключевых инструментов управления историческим школьным образованием. «Можно сделать массу оговорок по поводу знаменитого высказывания Ренана, что «нация — это ежедневный плебисцит», но, в общем-то, это правда. Нация существует, пока она хочет существовать. Пока она единым образом реагирует на ключевые раздражители, на ключевые опасности, ключевые возможности. И если она примерно одинаково понимает — неважно, насколько объективно правильно — своё прошлое, у неё больше шансов сохраниться... Поэтому на свете мало вопросов более важных, по крайней мере в последние два-три века, чем вопрос, как нация преподает свою историю в своей общей школе. Это безмерно важно. И этому уделяется удивительно мало внимания» (А. Привалов).

В настоящее время в Федеральный перечень учебников для общеобразовательных школ входит 5 линеек учебников истории России. «История» событий — в докладе научного редактора линии учебников издательства «Русское слово», директора ИРИ РАН Ю.А. Петрова, и в сокладе руководителя Центра истории искусств и культуры ИВИ РАН С.А. Экштута.

ББК 63.3 (2)

Заседание «История» в школе

12 июля 2021 года, Zoom

Участники обсуждения:

Воскресенский Алексей Дмитриевич, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО (У) МИД России, профессор, доктор политических наук, Ph.D. (Манчестерский университет)

Головачёва Ирина Владимировна, профессор кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литератур факультета свободных искусств СПбГУ, доктор филологии

Дискин Иосиф Евгеньевич, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ, ведущий эксперт Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ, доктор экономических наук

Кондрашин Виктор Викторович, руководитель Центра экономической истории, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор

Клепач Андрей Николаевич, главный экономист Внешэкономбанка, кандидат экономических наук

Курочкин Дмитрий Николаевич, вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Перов Максим Вениаминович, научный руководитель ИТП «Урбаника», профессор МААМ (Международная академия архитектуры)

Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук; научный редактор линии учебников по истории России издательства «Русское слово»

Привалов Александр Николаевич, вице-президент — председатель Совета Никитского клуба; научный руководитель журнала «Эксперт»

Тамбовцев Виталий Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Устюжанина Елена Владимировна, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, профессор РЭУ имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Черниговская Татьяна Владимировна, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических и доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Экштут Семён Аркадьевич, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, доктор философских наук

Заседание ведёт **А. Н. Привалов**

А. Н. Привалов

А. Н. Привалов

Сегодня наше Zoom-заседание посвящено теме, которая сформулирована так: «“История” в школе». «История» при этом взята в аккуратные многозначительные кавычки. Дело ведь такое, при всём уважении к исторической науке и к людям, которые ею занимаются,— это очень особенная наука. Мне недавно попалась на глаза шутка покойника Леца¹, цитирую: «Если из истории убрать всю ложь, это совсем не значит, что останется одна только правда. В результате может вообще ничего не остаться».

Ю. А. Петров, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук, научный редактор линии учебников по истории России издательства «Русское слово»

Спасибо вам большое за ласковый отзыв.

А. Н. Привалов

Я же оговорился, что при всём огромном уважении. Дело тут довольно простое. Есть, конечно, очевидные факты, которые даже вылезают за пределы хронологии. Есть ещё установленные факты, кроме хронологии как таковой. Но их категорически мало, для того чтобы создать нарратив. А нарратив создают, как мы все выучили — я даже не помню, от кого мы это выучили, — нарратив истории «создают победители». Потому, в зависимости от того, кто рассказывает, — одно и то же рассказывается очень по-разному. Это вопрос далеко не второстепенный: как нация рассказывает самой себе свою историю.

Можно сделать массу оговорок по поводу знаменитого высказывания Ренана, что «нация — это ежедневный плебисцит», но, в общем-то, это правда. Нация существует,

---

¹ Лец Станіслав Ежи (1909–1966) — польский поэт, философ, писатель-сатирик, афорист.

Ю. А. Петров

пока она хочет существовать. Пока она единым образом реагирует на ключевые раздражители, на ключевые опасности, ключевые возможности. И если она примерно одинаково понимает — неважно, насколько объективно правильно,— если она одинаково понимает своё прошлое, у неё больше шансов сохраниться. Вот и всё, собственно. Поэтому на свете мало есть вопросов более важных, по крайней мере в последние два–три века, чем вопрос, как нация преподаёт свою историю в своей общей школе. Это безмерно важно. И этому уделяется удивительно мало внимания.

А подходы тут могут быть самые разные. Тот же самый Ренан утверждал в своей знаменитой лекции о нации, которую я уже цитировал, что «в национальных воспоминаниях траур имеет большее значение, чем триумф». Потому что именно траур накладывает общие обязанности, вызывает общие усилия. Есть нации, которые в рассказе о своей истории именно на траур, именно на собственные беды и напирают. Возьмём наших соседей польских, которые даже гимн свой начинают со строки, напоминающей о том, что Польша есть нечто вечно страдательное. А есть нации, которые, по крайней мере в настоящем своём варианте, ничего, кроме побед, видеть не хотят.

Недавно нам преподнесли замечательный пример. Отмечалось столетие Китайской коммунистической партии. По этому поводу председатель Си выступил с большим докладом, в котором не сказал ни одного печального слова. Ни культурной революции, ни борьбы с «бандой четырёх», ни вообще никакого маоизма — ничего плохого не было. Всё было хорошо. КПК шла от победы к победе. Или их южные соседи, — тоже я читал буквально на днях, что люди старше тридцати в Камбодже не знают, кто такие «красные кхмеры». Просто не знают! Когда с ними пытаются об этом разговаривать, они не понимают, о чём идёт речь. Этого не было. Этой страницы в истории нации не было! Наверное, можно и так.

Как нужно? А господь ведает. Это чрезвычайно важный вопрос, на который нет готового ответа. Ни по глобусу общего, ни для каждой страны общего по оси

времени. Потому что вызовы, стоящие перед каждой нацией в каждый отдельный момент времени, наверное, могут требовать чуть-чуть иного нарратива. Но нарратив должен быть един, и он должен быть внятен.

И в этом смысле мне хочется выразить огромное уважение и огромное сочувствие авторам сегодняшних учебников русской истории, Юрию Александровичу и его коллегам, потому что перед ними стоит невероятно сложная задача — создать единый рассказ, единый национальный миф, если хотите. И это при том, что, с одной стороны, есть историческая Россия, с другой стороны, на каждой площади каждого города стоят памятники Ленину — успешному ненавистнику исторической России. Создать единый рассказ, который каким-то образом будет убедительным, невероятно сложно! Вот мы сегодня, может быть, что-нибудь и узнаем про то, как это делается. Но это задача хуже всякой квадратуры круга, хуже всякой трисекции угла.

То, о чём мы сегодня будем говорить, конечно, не есть вопрос текущей политики. Текущая политика всегда подталкивает людей, которые ей занимаются, к мелким сиюсекундным решениям. Национальный миф, рассказ нации о себе самой, а это и есть история в школах, он гораздо долгосрочнее. При его создании, при его обсуждении надо пытаться отдалиться от сиюсекундных бед. А нам это чрезвычайно трудно ещё потому, что у нас есть национальная болезнь. Её прекрасно формулировал не так давно покинувший нас член Никитского клуба Лев Александрович Аннинский: «Мы все помешаны на власти». Всякий разговор сводим к тому, как и кто из нас относится к ныне действующей власти, что в данном случае практически неинтересно. В разговоре о длинном рассказе про историю России никакие сегодняшние соображения в идеале учитываться вообще не должны, мне кажется.

Вот после этого «парадного въезда» я позволю себе предоставить слово нашим сегодняшним докладчикам. Юрий Александрович расскажет нам, по-видимому, о том, что в этой сфере делается здесь и сейчас. А потом Семён Аркадьевич расскажет нам, как сходную задачу решал в своё время Иосиф Виссарионович Сталин — гораздо более простую, потому что он не заморачивался вопросами исторической России. Вот такой у нас план действий. Юрий Александрович, предоставляю слово Вам.

Ю. А. Петров

Спасибо, Александр Николаевич! Вот вы сказали: «Господь ведаёт, как эту историю писать». Но не будем на Него всё перекладывать, приходится действовать самим. Задача действительно была суперсложной, это правда. И как человек, имеющий отношение к подготовке учебников, как ответственный редактор линейки учебников, я хотел бы сегодня потолковать на эту тему.

Тема, конечно же, наиважнейшая, я совершенно с вами согласен. Время от времени она прорывается в нашем общественном пространстве в виде какого-то хайпа. Кто-то сказал из властей предрежащих: «плохой учебник», — тут же поднялась волна в думских и прочих кругах, что у нас плохие учебники. Мы-то в нашем кругу, честно говоря, знаем, что учебники — это вообще большой бизнес, поэтому последний хайп, прямо вам скажу, был поднят именно такими недобросовестными конкурентами, можно сказать.

Но, несмотря на все хайпы, эта тема действительно крайне важна для нашего национального самосознания, национальной памяти. Хочу просто напомнить, что

в дореволюционный период в нашей стране был единый учебник, так называемый курс русской истории Иловайского². Он выдержал десятки лет переиздания, по этому курсу училась вся наша интеллигенция. Учебник был выдержан, конечно же, в духе Карамзина, в духе государственной школы, и по содержанию был, разумеется, глубоко монархичен.

После революции история была вообще каким-то образом упразднена. Вплоть до 1934 года её и в школе не преподавали, а преподавали некий курс, такую матрицу из Покровского³, где действовали не живые люди, а какие-то классы, группы и так далее. Но в 1934 году Сталин понял важность именно истории для создания определённого общественного настроения и общественного мнения в стране и принял решение о возвращении в среднюю школу именно истории. Это было, повторяю, в 1934 году. Разумеется, история строилась по лекалам «Краткого курса истории ВКП(б)», который через пару лет они подготовили вместе с Ждановым и Кировым. Этот курс истории преподавали в школе фактически до кончины Сталина.

В период «оттепели» вожжи были несколько ослаблены и к написанию учебников привлекли уже крупных учёных и академиков. Были созданы уже такие канонические школьные учебники, которые просуществовали где-то с конца 1950-х годов до распада Советского Союза. Это были своего рода облегчённые варианты «Краткого курса» с некими коррективами в соответствии с изменившейся эпохой.

² Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России»; критик норманнской теории с позиций официальной идеологии Российской империи и автор учебников для среднего образования.

³ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — советский историк-марксист, общественный и политический деятель. Лидер советских историков в 1920-е годы, «глава марксистской исторической школы в СССР». Академик Белорусской АН. Академик АН СССР.

В 1990-е годы нам была дарована свобода, а вместе с ней были преодолены все плотины идеологического сопротивления. Учебников стало не 2, не 3, а 30, 40, 50, 60 и так далее. Их стали просто выпускать все кому не лень, я бы сказал. Тут были и бизнес-интересы, и определённые идеологические кампании — всё дело было только в этом рынке.

Первый раз вопрос об учебниках возник в начале 2000-х. Я так понимаю, тогда дочери президента учились в школе, он заглянул в один из учебников и пришёл в некое изумление, чему их там учат. Это был первый толчок, который показал, что такое обилие учебников не означает хорошего положения в этой среде. Возникло всё-таки ощущение, что мы способны создать такую матрицу, которая бы позволила включить в себя самые достоверные последние данные науки и транслировать их в школе, повторяю, не слишком оглядываясь на ту самую власть, отношения с которой, как Александр Николаевич очень точно сказал, у нас всё время фетишизируются.

С самого начала, я бы сказал, у некоторой части интеллигенции была идея, что возрождается «Краткий курс», что нас хотят всех учить по одному лекалу, чтобы не было никаких отступлений. Но это было совсем не так. Мы с самого начала понимали, что единый учебник, о котором тогда все говорили, не означает единственный. Я глубоко убеждён, что такой монополизм в области просвещения глубоко вреден. И если бы в стране остался один учебник того же самого издательства «Просвещение» с одними и теми же авторами, я думаю, ничего хорошего из этого бы не получилось. Всё-таки нужно некоторое нарративное разнообразие учебников.

Но самое важное, хотел бы подчеркнуть, что все эти учебники строятся на одном скелете. Этот скелет — так называемый историко-культурный стандарт, некая матрица, которая включает основные понятийные определения, даты, персоналии, исторические события, их интерпретации в соответствии с данными науки. Вот этот стандарт мы готовили большим нашим сообществом где-то в 2013–2014 годах. «Сообщество» — это Российское историческое общество, которое вбирает в себя всех наших историков-профессионалов. Были задействованы десятки учёных. Работа шла очень трудно. Я бы сказал, что пожелания от общества примерно соответствовали раскладу политических пристрастий и общественных воззрений: предложения были взаимоисключающие. Нам приходилось искать некий средний путь, когда, не изменяя исторической истине, мы тем не менее смогли бы учесть те или иные пожелания нашего общества.

В качестве отступления скажу, что мы привыкли ругать свои учебники, но, наверное, отчасти потому, что не читали других. Но что происходит сейчас в странах СНГ? Был проведён мониторинг 187 школьных учебников в этих странах. За исключением Белоруссии и Армении, во всех учебниках истории о России говорится как о «колониальной стране», то бишь стремящейся стать империей, об оккупации территорий бывших советских республик русскими, даже о геноциде народов зловерными представителями Москвы и так далее. Этот весьма опасный и вредный нарратив внедряется в умы тех самых бывших наших соотечественников, которые действительно, вы правы, через 20–30 лет уже и не вспомнят, что мы когда-то жили в одном государстве, были гражданами одной страны. Тогда не было таких рассуждений на тему «зловерности России».

ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА

Линия учебников «История России» для 6—9 классов. Авторы Е.В. Пчелов, П.В. Лукин, В.Н. Захаров, К.А. Соловьёв, А.П. Шевырёв. Под научной редакцией Ю.А. Петрова

ИКС

- **Соответствует:**
  - ✓ Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС ООО);
  - ✓ Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории;
  - ✓ Историко-культурному стандарту (ИКС).

- **Успешно прошла:**
  - ✓ научную историко-культурную экспертизу (РИО);
  - ✓ педагогическую экспертизу (РАН);
  - ✓ общественную экспертизу (РШБА).

Предметная линия получила высокую оценку Экспертной комиссии Российского исторического общества.

Включена в Федеральный перечень учебников, рекомендуемых Минобрнауки РФ (№ 1.2.2.1.8.1 — 1.2.2.1.8.4)

В качестве конкретного примера приведу концепцию, которой следует сейчас преподавание истории в школе на Украине. На Украине версия происхождения современной украинской нации излагается по схеме известного украинского историка Грушевского ещё дореволюционного периода. Ключевым моментом в этой теории является отрицание древнерусской народности и утверждение о параллельном существовании двух народностей — украинской русской и великорусской.

Сегодня, так совпало, как раз вышла статья Президента Российской Федерации, посвящённая тому, насколько можно говорить о единстве русского народа и украинского⁴. Это рефлексия на тот нарратив, который сейчас преобладает на Украине, где, по Грушевскому, получается, что Киевская Русь — это государство русско-украинское, а Владимиро-Суздальское — это государство великоросской народности. То есть это разные народы. И киевский период, как он считает, постепенно перешёл в галицко-волынский, затем в литовско-польский. А Владимиро-Суздальский период стал периодом московским и затем уже периодом России. Одним словом, вместо единой русской истории существуют две истории разных народностей — история Украина-Руси и история Московии и Великороссии. Вот вам, пожалуйста, тема, которая активно внедряется в сознание современной украинской молодёжи. К чему это приводит? Приводит к тому, что на Украине многие, если не большинство, молодых людей уже своё родство с российским народом, с Россией не признают. И считают его вообще российской пропагандой.

⁴ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». 21 июля 2021 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>

Другой такой же пример могу привести: тема присоединения территорий к России, как правило, оценивается негативно. Акцент делается на утрате самостоятельности. Статус своих территорий в составе Российской империи учебники истории Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Узбекистана оценивают как колониальный и, соответственно, квалифицируют русских как колонизаторов. Единственное, что армяне и белорусы проявляют более взвешенный подход, отмечая прогрессивные для народа стороны завоевания России в Закавказье. А у других основным сюжетом о пребывания в составе Российской империи называется «национально-освободительная борьба».

В Казахстане вышла недавно десятитомная история отечества, история Казахстана, в которой два последних тома посвящены Нурсултану Назарбаеву. Ну хорошо, это Восток, дело понятное. Но периоду нахождения Казахстана в составе России, а это, слава богу, почти больше 300 лет, отведено два тома. Один из них называется «Казахстан — колония России». А второй — «Борьба казахского народа за национальное освобождение». Никаких позитивных сторон этого содружества не намечается, нигде не упоминается о том, кто построил дороги, города, кто создал медицину, культуру, в конце концов. Об этом полное молчание.

Вот, пожалуйста, мы говорим с вами о наших неважных учебниках, но мне кажется, что едва ли не опаснее то, что сейчас происходит в странах СНГ. Даже революция 1917 года и Гражданская война в этих учебниках рассматривается сквозь призму национально-освободительной борьбы. В результате термин «гражданская война» не употребляется вообще. Современный учебник изображает большевиков либо зловредными русскими, либо марионетками в руках русских. И само установление советской власти на окраине, в том числе на Украине, в Грузии, изображается как агрессия, интервенция, оккупация и так далее. Одним словом, картина довольно тусклая, я бы сказал.

А что происходит у нас внутри страны? В последнее время такие неблагоприятные тенденции наметились в преподавании отечественной истории и в нашей школе. Прежде всего чрезвычайно острым остаётся вопрос о трактовке пребывания различных народов и регионов в составе российского государства. Большинство наших российских историков не приемлют трактовку Российской империи как империи колониальной. И, соответственно, не считают время пребывания этих народов в составе российского государства колониальным периодом. Я полностью с этим согласен и хочу подчеркнуть, что в Российской империи, в отличие от классических морских империй Запада, отношение между центром и регионами строилось на принципиально иной основе, нежели отношения между метрополией и колонией. Скорее, великоросский центр был донором для империи, чем получателем этих выгод из национальных окраин. И это очень важный сюжет.

Об этом можно долго говорить, я даже не знаю, стоит ли, иначе мне понадобится очень много времени. Может быть, потом будут уточняющие или конкретные вопросы, поэтому я обозначу только некоторые позиции, как мне кажется, очень важные.

Речь идёт о региональных учебниках. У нас ведь есть федеральные учебники, а в наших субъектах федерации есть ещё и учебные пособия по истории данного края. И вот этот федеральный и национально-региональный аспекты

отнодь не всегда совпадают. Федеральный призван обеспечить единство школьного образования в стране. Региональный включает в себя ту часть, которая отражает национально-региональное своеобразие этого края. Но приходится констатировать, что нет достаточной координации между федеральным и региональным учебником. В результате возникает проблема неадекватного отражения исторического прошлого, проявление конфронтации этнического национализма в освещении истории нашей страны. Прямо скажу, во многих региональных учебниках прослеживается тенденция к завышению уровня политического и общественного развития отдельных народов, их культурных достижений. Преобладают сюжеты политической направленности, а прошлое титульной народности конкретной республики заслоняет собой историю других групп и народов, проживающих на её современной территории.

Одним словом, имеется, я бы сказал, выраженная националистическая трактовка местной истории, которая зачастую противоречит общефедеральному подходу к истории нашей страны. При этом давайте ещё учтём важный фактор, что именно региональным учебникам принадлежит определяющая роль в освещении истории своих народов. Такая ситуация имеет место с рядом таких учебников, их не большинство, и мы с ними уже давно работаем. Есть определённые результаты. Я являюсь редактором учебников по истории Татарстана. Не говорю, что в силу этого фактора, но всё же мы сумели найти общий язык с коллегами из Татарстана. И уже таких формулировок, как «оккупация Казани Иваном Грозным» или «истребление татарского народа русскими колонизаторами», — таких формулировок в современных татарских учебниках нет. А раньше они были. Но их нет, и вполне справедливо, потому что это, как мне кажется, совсем не отвечает исторической реальности.

Исходя из этих обстоятельств, в новом едином учебнике мы сделали акцент на многонациональном и мультиконфессиональном составе населения страны как важнейшей особенности нашей отечественной истории. Понятно, что история формирует гражданскую идентичность через обращение к культурной памяти нации. Формирование школьного курса — это прежде всего отбор тех исторических и культурных фактов, знание которых будет способствовать интеграции современного юношества в национальные и мировые сообщества. При определении такого набора, вот этой матрицы историко-культурного стандарта, очень важно было соблюсти баланс между историей государства, общества и отдельных людей, между политической, социальной и культурной историей, между историей национальной, мировой и локальной. Поэтому при разработке этого стандарта мы усилили антропологический акцент.

В современных учебниках продолжала доминировать традиционная политическая центричность. Она уходит корнями ещё в имперскую и советскую школу. Это приводило к тому, что роль личности, общественных институтов, структур в повседневности человеческой жизни, в которой, собственно, и проявляется личностный фактор, уходит в тень. В результате искажается историческая реальность. А в учебнике должна присутствовать личность в истории. Причём не только обязательно герои или выдающиеся люди должны быть представлены, но и обычные так называемые рядовые. Через их судьбы и могут быть показаны те решающие социально-политические процессы нашей страны, такие как войны, революции, крупные политические реформы, репрессии и так далее. Я считаю, что в принципе это удалось. И акцент

на антропологическую историю, акцент на деятельность не только царей, патриархов и князей, но и на простых людей,— он получился. Это является, пожалуй, одним из главных отличий современных учебников от прошлых.

Конечно же, мы понимали, что ученику нельзя давать слишком много фактов, более того, что он может переварить. Хотя есть такая методика, что ученику надо как можно больше представить фактов, а он осмыслит их самостоятельно. Это вряд ли получалось, происходила информационная перегрузка. А смысл истории, её закономерности терялись в потоке мелких фактов. Мы попытались уйти от этого так, чтобы вызвать у школьника не синдром зубрёжки, не желание заучить даты и события, а попытаться их понять. Во всяком случае, для старшей школы (10–11-й классы), где преподаётся сейчас история России XX века, это сверхважно. Это тот век, относительно недавний, когда произошли важнейшие события в нашей истории. Именно деяния этой эпохи нуждаются в том, чтобы молодые люди приняли самостоятельное решение, чтобы они смогли вынести собственный приговор этому прошлому, опираясь на ту сумму фактов, которые предлагает им учебник и учитель.

Конечно же, трудным был вопрос, как в учебнике должны быть изложены социальные конфликты. Прежняя, марксистская, парадигма исходила из абсолютного примата классово-борьбы как ведущего фактора человеческого развития. Но мы всё-таки не вполне разделяем эту идею. И предложили иную формулу, которая исходит из положения о том, что вероятность революционного или реформистского пути развития зависит от государства, от его способности реагировать на запросы общества. Чем упорнее нежелание сторон общества и государства идти на компромиссы — тем острее становится конфликт и труднее становится найти мирные формы их разрешения. Поэтому в учебнике должны быть и восстание Разина, и восстание Пугачёва, и революции начала XX века. Но и великие реформы Александра II, реформы Столыпина, которые всё-таки являлись реальным путём развития нашей страны.

Мне кажется, ещё важно подчеркнуть, что новый учебник стал не просто бумажной книгой. Была поставлена задача, и она решена, сделать такой аудиовизуальный формат учебника, где у ученика всегда есть возможность в громадной степени расширить свои знания об истории, пользуясь системой приложений и тачскринов, которые в электронном виде дают ему очень много фактов. При желании он может свои знания развить намного шире, чем предлагает обычный стандартный учебник.

Что касается отношения к государству, нельзя здесь не говорить об одной из центральных тем в российской истории — роли государства в истории нашей страны. При описании этого явления мы исходили из того факта, что российская реальность обусловила мобилизационный тип исторического развития. Что это значит? В условиях огромных пространств, низкой плотности населения, климатических неблагоприятных условий, внешнего окружения по всему периметру — стала необходимой активная роль государства. Государства, которое консолидировало усилия общества для решения общенациональных задач.

Но, конечно же, при оценке действий государства в той или иной сфере учитывались не только результаты его деятельности, но и цена, которую вынужден был заплатить народ за эти достижения. В частности, при описании эпохи Петра Великого мы делали акцент не только на тех инновациях, на свершениях, которые были связаны с именем великого императора, но и на той цене, которую пришлось заплатить России

и которую в своё время Ключевский образно и очень точно выразил, описывая эту послепетровскую эпоху, точнее даже, позднепетровскую эпоху: «Государство пухло, а народ хирел».

Проблему соотношения героического и трагического в нашей истории, конечно же, мы всегда имели в виду и исходили из того, что история страны не может быть написана, что называется, под фанфары. В нашей истории очень много трагических или даже траурных страниц, обойти которые мы не можем и не должны, чтобы эту историю не исказить. Конечно же, в учебниках получили отражение фундаментальные события, начиная с монголо-татарского завоевания, затем Смута начала XVII века и революция начала XX века — все эти трагические события представлены в учебниках.

В заключение я скажу вот о чём. Сейчас нам удалось благодаря этим учебникам уйти от прежней системы так называемого концентра, когда школьники до 10-го класса проходили практически весь курс истории, затем в 10–11-м классах повторение курса. Я считал и считаю, что эта система была ущербной. Если мы хотим, чтобы у учеников были нормальные полные знания об истории нашей страны, мы должны сделать систему линейной, и в 10-м и 11-м классах школьники должны изучать историю России XX века.

Это было давнее наше пожелание, которое наконец-то учтено Министерством просвещения и будет реализовано. Тогда у нас не будет повода говорить о том, что мы мало даём времени на историю Великой Отечественной войны, что ученики её плохо знают и так далее.

Реальные трудности отмечались школьными учителями, эти трудности ещё не преодолены, тем не менее какой-то шаг в нужном направлении мы сделали. В октябре этого года пройдёт такое неординарное событие в Москве, как Всемирный съезд учителей истории. Приедут не только учителя, но и разработчики школьных учебников, поскольку важно понять, что учитель — это ретранслятор, который передаёт то, что подготовили методисты и прочие просвещённые люди в академиях образования. Мне кажется, что съезд будет интересным событием. Какие будут результаты, не знаю, но приедут учителя из разных стран — там и Европа, и Азия. Это крупное событие, по-моему, участников будет больше 2000, надеюсь, они осознают, что национальные истории не должны противоречить друг другу, что возможен и необходим единый нарратив школьной истории — и это очень важный факт.

Мы, убеждён, когда-то придём к некоему консенсусу, к общей концепции мировой истории. Хотя вы абсолютно правы, тут история, к сожалению, во многом зависима от политики. И какова будет эта политика, мы пока не знаем. На этой фразе я бы поблагодарил вас за внимание. Если будут вопросы, постараюсь ответить. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Юрий Александрович! Ужасно у вас трудное дело! Слушая вас, я понял, что хотя я давно вам сочувствовал, но я мало вам сочувствовал.

Как мы будем решать? Вопросы будем задавать после выступления второго докладчика? Договорились. В таком случае, Семён Аркадьевич, позвольте вам предоставить слово для сообщения.

С. А. Экштут, *руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, доктор философских наук*

Спасибо большое. Я хочу показать вам обложку этой книги. Я не знаю, видно или нет?

Ю. А. Петров

Профиль узнаваем, да.

С. А. Экштут

Да, профиль узнаваем. Дело в том, что в 2008 году мы в журнале «Родина» издали вот этот толстый том, который назывался «История — в школу». И подзаголовок был такой: «Создание первых советских учебников истории». К стыду своему, этот толстый том, он давно уже стал библиографической редкостью, я внимательно прочитал только сейчас. Самоизоляция, COVID и прочие напасти способствовали тому, что удалось прочитать очень много хороших книг, которые раньше откладывал за недостатком времени.

И вдруг, прочитав эту толстую книгу, я видел, что Иосиф Виссарионович Сталин в неизречённой своей мудрости, оказывается, ещё с 1931 года занялся проблемой преподавания истории в школах. Но проблемой он занимался как опытный шахматист, не сразу подошёл к решению основной задачи. В 31-м году он провозгласил в статье, которая называлась «Некоторые вопросы истории большевизма», что время дискуссии об истории партии закончилось, что отныне — никаких открытых архивов. Очень чётко и в высшей степени уничтожительно было сказано: архивами должны заниматься разного рода архивные крысы.

С этого момента доступ исследователей в архивы был затруднён. Сами архивы были переданы в ведение НКВД. Сложилась та милая система, что без официального письма из организации на бланке за подписью руководителя организации или на простом листе бумаги, но обязательно с печатью, где указана тема твоего исследования, ни в какой архив тебя не пускали. Я ещё эту систему застал. Она стала складываться в 1931 году, когда чётко было сказано: никаких дискуссий, основанных на хранящихся в архивах и не введённых в научный оборот архивных документах. И вопрос о большевизме Ленина мы подвергать дискуссиям не будем. Так заявил Сталин. Дальше была дана оценка, что всё это троцкизм, всё это ревизионизм, и очень много других нехороших ярлыков было навешано.

Я с трудом себе представил, как должны были чувствовать себя в 1931 году пытливые исследовательские умы, но стало совершенно ясно, что какие-то части исторического ландшафта были обозначены: к этой теме лучше не обращаться, на эту территорию лучше не заходить.

Дальше я увидел, что с самого начала политика кнута сопровождалась политикой пряников, потому что в 31-м году были введены карточки. Так вот, в 32-м году проверили, как обеспечены карточками и прочей мануфактурой учителя. Выяснилось, что обеспечены они плохо, и было принято решение руководящих партийных органов, состоящее из трёх пунктов. Первое — проконтролировать обеспеченность учителей обществоведения (ещё истории нет) продуктовыми карточками и другими товарами. Но результаты проверки не были доведены до высшего руководства. Видимо, обеспечивались плохо.

С. А. Экштут

Второе — предоставить учителям обществоведения определённое число путевок в санатории на Кавказе и на южном берегу Крыма. Сколько путевок было выделено, тоже не очень понятно. Но, во всяком случае, было обращено внимание на то, что учителя обществоведения, а в будущем и истории тоже люди и они нуждаются в полноценном отдыхе. Этот вопрос формулировался на уровне политбюро.

И, наконец, третий пункт — что дети учителей средней школы при поступлении в среднюю школу пользуются такими же привилегиями, как и дети рабочих. То есть дети учителей были приравнены к детям рабочих.

Вы знаете, что в те поры ещё были лишенцы и граждане Советского Союза обладали далеко не равными правами на получение среднего и высшего образования. Но в это время, то есть в 1931–1932 годы, ещё нет ни преподавания истории в школе, ни исторических факультетов в университетах. Они все распущены. Почему — понятно. Потому что в 1917 году, когда были отменены чины, звания, сословия и тому подобные вещи, когда всё имперское прошлое было сразу объявлено позорным, преступным, возникал вопрос: а зачем забивать детские головы тем, что им знать не нужно?

Прошло буквально каких-то 10–15 лет, и имперские реалии были напрочь утрачены. И когда стали снимать фильм из имперского прошлого, вдруг люди сообразили, что не знают, через какое плечо (консультанты уже не помнили) нужно носить ленту ордена Белого Орла — через левое или через правое? И даже во МХАТе, когда ставили спектакли из имперского прошлого, уже все эти реалии, связанные с мундирами и орденами, оказались прочно забыты.

Далее. Наконец, где-то к 1934 году Сталин взял дело подготовки учебников истории под личный контроль. Поручил всё это наркому просвещения РСФСР Андрею Бубнову, которого он знал лично. Учебник по истории СССР был поручен группе историков во главе с Н. Н. Ванагом (в то время замдиректора Института истории Комкадемии). Однако проект учебника, подготовленный группой Ванага, руководителей

не удовлетворил. Тогда же Наркомпрос РСФСР утвердил состав двух авторских групп, работавших над составлением учебника по истории СССР для 3–4-х классов: московской во главе с И. И. Минцем и ленинградской во главе с А. И. Малышевым. Группы работали обособленно, с самого начала подчёркивался характер состязательности. Прямо говорилось о стахановском социалистическом соревновании. То есть тогда уже ленинградские и московские историки, состязаясь между собой, должны были независимо друг от друга писать учебники истории.

Сначала они написали конспект. Сейчас бы мы это назвали развёрнутым планом, синопсисом, сценарием, как угодно. Но у них это называлось конспектом. Власти придерживающиеся просмотрели этот конспект и сделали очень существенные замечания, очень подробные. Причём было сказано, что история должна воспитывать у ученика материалистический монизм, то есть никакого идеализма, никаких идеологических шатаний — только материалистическое понимание истории. Было сказано, что всё, что касается каких-то идеалистических философских концепций, всякого рода романтизма, — всё это нужно изгнать из истории. Часто на полях конспекта писалось: «а не слишком ли это подробно? а способны ли дети в их возрасте это понять?»

Чем были хороши подобные замечания? Они соотносили возраст учеников с теми проблемами, о которых им должны были говорить учителя на уроках. Насколько я знаю, сейчас во всех странах, где разрабатывается методология написания учебника, большим местом является вопрос о соотносимости преподаваемых знаний с возрастом учеников и с теми интересами, которые в этом возрасте формируются. И эта проблема по сию пору не решена. Во всяком случае, удовлетворительно не решена.

Дальше товарищ Сталин сделал замечание — это уже 1935 год, уже с 1934 года стали преподавать историю, — он сделал замечание, что, оказывается, в нашей школе рассказывают о народовольцах. И что если мы будем воспитывать наших школьников на примере народовольцев, то мы воспитаем эсеров, что этого не нужно. Вот с этого момента, с 1935 года, изучение «Народной воли» оказалось под таким негласным запретом. И дальше было сказано, что все предшественники большевизма — это предыстория по отношению к большевизму. А история партии до 1917 года — это предыстория партии.

У Иосифа Виссарионовича Сталина была одна такая очень характерная черта, о которой уже в годы перестройки откровенно рассказал Каганович, хорошо его знавший. Сталин в ряде случаев прямо не говорил о том, что он хочет. Но он старался подвести собеседника к тому, чтобы тот сам сформулировал задачу, которую перед ним нужно было поставить. И Карл Радек⁵, человек остроумный, беспринципный, но в высшей степени прозорливый, в 1936 году написал, что, готовя учебник истории, мы должны готовить человека к будущей войне. Мы должны знать будущий театр военных действий, мы должны знать будущего противника, мы должны знать его историю, мы должны знать его слабые места. Я немножко сейчас огрубляю. Выпускник истфака Краковского университета Радек, чьё «интеллектуальное ловкачество»⁶

⁵ Радек Карл Бернгардович (наст. имя Кароль Собельсón, нем. *Karol Sobelsohn*; псевд. Radek в честь популярного персонажа австрийской юмористической печати; 1885–1939) — революционер, советский политический деятель, литератор, журналист, публицист, дипломат, литературный критик.

⁶ Балабанова А. И. Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938 / пер. с англ. Л. А. Карповой. М.: Центрполиграф, 2007. С. 258 (Свидетели эпохи). — С.Э.

не имело себе равных, лучше других понял и отчётливо сформулировал заветные мысли вождя:

«Нельзя оставить страну, находящуюся под ударом военной опасности, без того, чтобы дать ей в руки историю её предполагаемых врагов и историю Китая. У нас есть силы, которые с честью могут эту работу выполнить, их надо только организовать, поставить им задачи и освободить их от халтуры, от дребедени и показной деятельности»⁷.

Так вот когда Сталин занимался подготовкой учебника истории в школе, параллельно он занимался подготовкой учебника географии, потому что будущий призывник должен знать не только что он будет защищать, но он должен уметь ходить по ази-муту, уметь читать карту и пользоваться компасом. И он должен знать будущий театр военных действий как страны вероятного противника, так и своей собственной страны.

Этот аспект у нас не очень подчёркивали. Когда я читал документы книги «Историю — в школу», я заметил, что подготовка учебников истории и подготовка учебника географии идут параллельно. И, в общем, они преследуют одну и ту же стратегическую цель — подготовиться к большой войне.

Макеты учебников, разработанные московской и ленинградской группами историков к середине 1935 года, также не были приняты руководством, как и проект Ванана.

В январе 1936 года была создана комиссия под председательством секретаря ЦК Жданова с правом объявить конкурс на подготовку учебника истории. В конкурсе могли принять участие все желающие, представив свой проект в комиссию. Всего в комиссию Жданова поступило 46 проектов различных авторов и авторских групп.

Должен сказать, что учебник писался вяло. Учебник писался тяжело. Профессионалов не было, потому что те люди, которые умели писать учебники, и те люди, которые были историками-профессионалами, были подвергнуты репрессиям. В частности, Евгений Викторович Тарле, который ещё пребывал в ссылке и был лишён звания академика. Его срочно вызвали в Ленинград. Он написал замечания. Эти замечания опубликованы полностью, и я увидел образец подлинно научной полемики. Не унижая оппонента, оперируя только фактами, Евгений Викторович показывал, в чём заключается та или иная ошибка тех, кто составлял учебник истории. Не опускаясь до каких-то личных оскорблений, не обвиняя их в неграмотности, более того, хваля по всякому удобному поводу.

Ясно, что эта работа решила судьбу Евгения Викторовича, потому что он был освобождён из ссылки, потом вскоре был восстановлен в звании академика. И всё это было сделано, что называется, «сверху», это было сделано Сталиным, потому что ему переправили замечания Тарле.

Но работа над учебником шла плохо, потому что, я ещё раз говорю, те люди, которые могли бы написать учебник, не преподавали. А люди, которые преподавали, плохо знали историю. И был ещё один, как бы мы сейчас сказали, «человеческий фактор» (раньше это называли «субъективным фактором», об этом тоже написал Радек),

---

⁷ Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 227–228.— С.Э.

что партийные сенаторы привыкли лишь руководить, но сами давно ничего не пишут и никаких исследований не проводят, претендуя при этом на пайки и почести. Он прямо об этом написал. И когда Сталин посмотрел то, что историки Москвы и Ленинграда написали сначала в виде конспекта, потом в виде пробных глав, он достаточно чётко сформулировал основные принципы.

Эти принципы восторжествовали и просуществовали вплоть до недавнего времени. Про материалистический монизм я уже сказал. Это было с самого начала понятно. То, что так или иначе пахивало идеализмом, даже объективным, выжигалось калёным железом. Но, по сути, ниспровергая идеализм, Сталин настаивал на необходимости провести по страницам учебника *идею провидения* в истории. Фактически Сталин потребовал от авторов учебника переодеть в марксистские одежды объективно-идеалистическую идею провиденциализма (от лат. *Providentia* — Провидение). Если один из Отцов христианской церкви, теолог и философ Августин Блаженный (354–430), представлял всемирную историю как реализацию Божественной воли и Божественного плана спасения человечества, направленного к торжеству христианства, то историки-марксисты должны были просто и кратко, доступным для восприятия учащихся языком живописать историю СССР как торжество замыслов партии и её ленинского ядра — планов, направленных на спасение всех наций и народностей, входивших в состав Российской империи.

Не ссылаясь на Августина Блаженного, Сталин поставил задачу: вся история, Новейшая история Советского Союза, должна была предстать как реализация замысла большевиков, ленинского ядра большевиков, по реализации Великой Октябрьской социалистической революции. То есть реализация революции большевиками — это своеобразное Божественное Провидение, которое авторам учебника следовало представить в качестве практической реализации давно выношенных замыслов ленинского ядра ныне правящей партии. Это раз. А всё, что было до того, — это некая предыстория.

Возникал вопрос, о котором сейчас рассказывал Юрий Александрович столь интересно: а как быть с народами, которые вошли в состав Российской империи? Потому что до этого академик Покровский, этот «историк в будёновке», считал (и это было истинное торжество вульгарного материализма, вульгарного марксизма), что Российская империя была «тюрьмой народов», что империя поглотила их независимость и самостоятельную государственность. Что вхождение этих народов в империю было концом их национального бытия. Сталин на это очень чётко ответил, проводя концепцию «наименьшего зла», что вхождение Украины в состав Московского государства было всё-таки наименьшим злом по сравнению с тем, чтобы подпасть под власть панской Польши (Польша уже, конечно, панская) или Османской Турции. Что для Грузии вхождение в состав Российской империи было наименьшим злом по сравнению с тем, чтобы войти в состав либо шахской Персии, либо, опять же, Османской Турции:

«Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, и этот факт, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда

альтернатива — либо быть поглощённой шахской Персией или султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощённой панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»⁸.

Вот эта идея «наименьшего зла» последовательно должна была проводиться авторами учебника.

Дальше. Естественно, Иосиф Виссарионович Сталин каждый день читал, и читал очень много... Иосиф Виссарионович Сталин был очень образованным человеком, это известно. Я это читал в литературе и сам слышал, когда был на его Кунцевской даче. Он в день читал от 400 до 500–600 страниц, причём не просто читал, а делал пометки. Это правда.

Ю. А. Петров

Это он сам так говорил, Семён Аркадьевич.

С. А. Экштут

Да.

Ю. А. Петров

Правда ли это — вопрос.

С. А. Экштут

Да, это правда. Когда присуждали Сталинские премии по литературе, он неоднократно демонстрировал членам Комитета по присуждению Сталинских премий, что он читал большую часть произведений, на эту премию выдвинутых. Во время разговора с собеседником Сталин мог взять с полки том энциклопедии и зачитать то или иное место, подтверждающее его правоту, а для этого надо было знать, что соответствующая статья в энциклопедии имеется.

Значит, идея «наименьшего зла» впервые была сформулирована в философии Древнего Китая и прозвучала ещё в IV и III веках до нашей эры. Было ли это известно Сталину или нет, но идея «наименьшего зла» была у Цицерона, она была у Аристотеля в «Никомаховой этике». Но что более существенно, она даже прозвучала в энциклопедической статье Ленина о Карле Марксе. И в этом качестве должна была быть известна всем большевикам, членам партии, которые изучали какой-то минимум марксистской литературы.

Что интересно? Что работа над учебником истории подошла к концу аккурат к 1937 году. Итоги конкурса подводились уже в августе 37-го года. Напомню уважаемым коллегам, что Тухачевский и его подельники были расстреляны в ночь с 11 на 12 июня 1937-го.

И вот, профессор Московского педагогического института имени В. И. Ленина Андрей Васильевич Шестаков написал учебник для начальной школы, на завершающих страницах которого прямо говорилось о наймидах–троцкистах, –зиновьевцах,

---

⁸ Там же. С. 245, 264. — С.Э.

которые вербуют шпионов. И провозглашался такой лозунг на страницах учебника истории, что, дети, будьте бдительны, среди вас могут быть враги и об этих врагах надо докладывать. Об этом прямо говорилось на страницах учебника.

За два года до начала мировой войны Сталин получил учебник, который не только приучал гордиться прошлым, но и «объяснял» школьникам настоящее, в том числе причины уже начавшегося в стране Большого террора, и становился для них эффективной идеологической прививкой от инакомыслия. Вчитаемся в итоговые строки, которые не могли не понравиться вождю:

«Готовя мировую войну, фашисты посылают во все государства своих шпионов. И в Советский Союз проникают фашистские шпионы. В СССР они нашли для себя деятельных помощников в лице сторонников Троцкого и Рыкова. Презренный враг народа, фашистский агент Троцкий и его презренные друзья Рыков и Бухарин организовали в СССР банду убийц, вредителей и шпионов. Они злодейски убили пламенного большевика С. М. Кирова. Они готовили убийства и других вождей пролетариата. Фашистские злодеи — троцкисты и рыковцы, устраивали в СССР крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и заводов, портили машины, отравляли рабочих, вредили, как могли. У этих врагов народа была программа — восстанавить в СССР ярмо капиталистов и помещиков, уничтожить колхозы, отдать немцам Украину, японцам — Дальний Восток, подготовить военное поражение СССР. Бандиты были пойманы и понесли наказание». И далее призыв к детям: «Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми»⁹.

При объявлении конкурса было заявлено, что для победителей и призёров установлены четыре крупные денежные премии: 100 тыс. руб., 75, 50 и 25 тыс. руб. соответственно. Первая премия — 100 тысяч рублей. Это огромные деньги по тем временам, потому что средняя зарплата в 1940 году в Москве составляла где-то 460 рублей. А в целом по стране она не достигала и 400 рублей. То есть 100 тысяч — это были баснословные деньги. Михаил Афанасьевич Булгаков так захотел получить эту премию, что даже, прервав работу над романом «Мастер и Маргарита», стал писать какие-то наброски, какие-то планы глав для будущего учебника. Но потом, к счастью, бросил это дело.

Когда подводили конкурс, приняли такое соломоново решение, что всем, кто принимал участие в написании учебников, не принятых к печати, было выдано по 5000 рублей. Примерно годовая зарплата москвича. Что касается первой премии, то её никому не присудили. Учебник, подготовленный под руководством Шестакова, получил 75 тысяч рублей. И вообще его звезда ярко взошла (он без защиты диссертации получил степень доктора исторических наук и стал членом-корреспондентом Академии наук СССР), но взошла ненадолго: через неделю после начала Великой Отечественной войны он скорострительно умер и был похоронен в Москве.

Что я хочу сказать? Что когда я читал все эти документы, то видел воочию блеск и нищету системы ручного управления. Потому что, с одной стороны, да, чётко власти предрежащие формулируют принципы. Иногда намёком, но достаточно чётко, в каких рамках должен писаться учебник. Чётко формулируется философская

---

⁹ Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 10; Краткий курс истории СССР. Учебник для 4-го класса / под ред. проф. А. В. Шестакова. М. 1937. С. 207.— С.Э.

концепция написания этого учебника. Чётко формулируются какие-то болевые точки, которые либо нужно обходить, либо даётся рецепт, как следует об этих событиях писать. В частности, относительно взаимоотношений с Польшей можно было написать, что восстание Польши против России в XIX веке носило прогрессивный характер. Об этом можно сказать школьникам.

При этом, как я уже сказал, была сформулирована идея «наименьшего зла», которая пустила глубокие корни и благополучно просуществовала вплоть до времён «оттепели». Дальше было очень чётко сказано, что учебник должен подготовить патриотически настроенного молодого человека, юношу или девушку, которые должны быть в состоянии правильно давать оценку существующему положению дел. То есть учебник должен был дать свод «правильных знаний» и должен был научить алгоритму, как формулировать это «правильное» с точки зрения верховной власти, с точки зрения интересов государства знание.

Учебник Шестакова недвусмысленно показал преемственность между Советским Союзом и государством Российским, преемственность государственных институтов и преемственность державных государственных интересов. Было в позитивном ключе сказано о победах русского оружия. То есть если в начале 30-х Сталин, выступая, мог сказать о вековой отсталости России, то здесь акцент делался не на вековой отсталости России от Запада, а о тех достижениях, которые были. До борьбы с «низкопоклонством перед Западом», до борьбы с космополитизмом ещё далеко, ещё почти 10 лет, но, в общем, уже говорится о достижениях, и говорится достаточно чётко.

Когда я посмотрел дневник Михаила Михайловича Пришвина (не буду говорить о том, что публикация его дневников стала сенсацией; самое главное, что Пришвин сделал в литературе, — это многотомный потаённый дневник, который он оставил после себя), — для Пришвина публикация нового учебника стала вехой в истории государства Российского.

Пришвин, человек глубоко верующий, лучше многих других современников осознал глубину сталинского замысла и воспринял публикацию «Правды» как важную веху в судьбе страны и в своей собственной биографии, о чём и написал в дневнике:

«27 января.—Исторический день. Амнистия исторической личности (постановление о препод[авании] истории)—явление того же порядка, что и стахановское движение, и «жизнь стала веселее». Это значит, конец тому партийному аскетизму, в который когда-то (1904 г.) упёрлась моя личная жизнь. В сущности, это и было источником моей оппозиции. Теперь стена эта рушится и наступает жизнь, граждански нам ещё неведомая, жизнь, которой никогда и не жил русский интеллигент. Таким образом, общество вступает теперь на тот самый путь, который мне лично открылся как выход из тупика: творчество; этот путь я раскрываю в «Кашеевой цепи». Очень похоже на 17-й год, первые дни после свержения царя: казалось, тоже вдруг рушилась Кашеева цепь. И в то же время в глубине души остаток основного верования: что Кашей-то ведь бессмертен»¹⁰.

В начале декабря 1936 года Пришвин, чутко уловивший изменение вектора сталинской политики, обращённой в прошлое, делает вывод: «В агитационном отношении теперь нужен сценарий, поднимающий великорусское национальное самосознание»¹¹. Писатель оказался провидцем: 1 декабря 1938 года выйдет на экраны и заслужит всенародную любовь фильм режиссёра Сергея Эйзенштейна «Александр Невский».

И интересно то, как на это посмотрели из русского зарубежья. Был такой историк Иван Созонтович Лукаш¹², сейчас его имя забыто, а в 1920–1930-е годы в Париже в газете «Возрождение» он гремел. За каждой его новой вещицей следили внимательно. Так вот Лукаш оценил мероприятия верховной власти, в контексте которых было создание этого учебника истории, как «психологический русский нэп»¹³. Он умер в 1940 году, он уже был свидетелем войны с Финляндией, был свидетелем взятия Выборга, то есть империя уже стала возвращать утраченные территории. И вот он написал такую пронзительную вещь, что ведь не за «коминтерны» (с маленькой буквы, естественно) гибли русские солдаты под Выборгом¹⁴. Они гибли за возрождение Империи. И что над гибнущими, уходящими под лёд русскими солдатами скакал

¹⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; Статья, коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток, 2010. С. 14–15. Символический смысл имеет уже заглавие романа. «Кашеева цепь» у М. М. Пришвина — это, во-первых, собирательный образ социального зла, а во-вторых, условное обозначение всего дряблого, слабого, безвольного, что таится в душе человека и мешает ему выявить своё «Я». В соответствии с философской концепцией романа автор называет его части «звеньями» той злой «Кашеевой цепи», которые Курымушка-Алпатов на своём пути к свободе должен разорвать. «Из своего детства, отрочества и раннего юношества я сделал сказку, которая ещё не совсем пережила меня мною, радует меня», — писал М. М. Пришвин в 1925 году в «Автобиографии» // <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/kascheeva-cep/chuvakov-vmesto-preambuly.htm> — С.Э.

¹¹ Там же. С. 388. — С.Э.

¹² Лукаш Иван Созонтович (1892, Санкт-Петербург — 1940, Мёдон, Франция) — исторический романист и журналист русской эмиграции. Псевдоним Иван Оредеж.

¹³ «Тем более кажется внезапным, поразительным тот поворот к России, какой, несомненно, замечается теперь в мертворождённых советских газетах, книгах, театре. «Поворот к России», который можно ещё назвать — пусть неуклюже — психологическим русским нэпом, — это единственная живая вода, пробивающаяся сквозь серый язык омертвевшей России. И в советской газете такой русский язык кажется языком совершенно иного мира. Я сказал бы, это наш язык России». Лукаш И. С. Россия восстань! Русский нэп в России. https://fictionbook.ru/author/ivan_lukash/stati/read_online.html?page=24

¹⁴ «Там, под Выборгом, снова, как при Петре, уходили под лёд залива русские солдаты, снова терзал их пушечный огонь. И что же, за коминтерны, за Маркса, за коммунизм они умирали? ... И русские солдаты умирали за него одного — за Медного Всадника». Лукаш И. С. Медный всадник. Там же.

Пётр Великий, скакал сам Медный Всадник — символ грядущего возрождения Империи. Такой яркий образ.

С вашего позволения, в качестве некоего эпилога я расскажу о том, что Сталин заботу над созданием учебника не оставил, но уже после войны он стал заниматься учебниками политэкономии. Об этом надо рассказывать подробно, нужно говорить о том, какие маргиналии он делал, всё это сейчас опубликовано, читать это чрезвычайно интересно, читаешь как детектив. Но меня интересовал вопрос сугубо организационный.

Группу авторов во главе с человеком по фамилии Шепилов (вы помните, это участник «антипартийной группы» 1957 года, он вошёл в историю как человек с самой длинной «фамилией» «и примкнувший к ним Шепилов»), авторов будущего учебника политэкономии поместили на государственную дачу, естественно, за государственный счёт, им дали время, им дали все возможности, и они достаточно быстро написали очень неплохой учебник политической экономии социализма, который выдержал массу изданий и был по-своему хорошим и логичным.

Если власть занимается подготовкой учебника, неважно какого, будь то учебник истории, учебник экономики, если она делает это спорадически, то подобного рода усилия успехом не увенчиваются. Но если это делается целенаправленно, то на выходе получается достаточно качественный продукт, который отвечает государственным интересам. Вот такой вывод можно сделать из изучения этих документов, которые я и почитал. Пожалуй, всё.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Семён Аркадьевич. Многое очень поучительно, потому что Юрий Александрович в некоторых местах завидовал своим предшественникам, а в некоторых — наоборот.

С. А. Экштут

Да, я хочу сказать, что действительно завидовать тут не приходится, потому что далеко не все дожили до распределения премий, многие участники этого процесса, естественно, были репрессированы. Ну, кто отделался лагерем, кто расстался с жизнью. Во всяком случае, Радек при загадочных обстоятельствах погиб в тюрьме, судя по всему, это было организованное убийство. Бубнов был после страшных истязаний расстрелян. Так что тут действительно всё достаточно печально и по-своему поучительно.

А. Н. Привалов

Спасибо.

Ю. А. Петров

Могут сразу же возникнуть аллюзии, Семён Аркадьевич, не повторяется ли эта история в наши дни? А то про такие ужасы сталинизма рассказали, что прямо дрожь берёт и невольно думается, что государство-то у нас какое — оно заказывает, диктует, навязывает.

Е. В. Устюжанина

Прошу прощения за это вступление, я хотел отреагировать прежде всего тем, что сейчас ситуация была совершенно иной. Со всей ответственностью хочу сказать, что никаких директив, накачек, указаний, инструкций не было. Сейчас ситуация в отношениях с властью совсем иная, я бы сказал, более продуктивная и правильная. Власть заказывает научному сообществу *такую* работу, *такую* экспертизу, но она не заказывает результат экспертизы. И это самое важное. Самое важное отличие нашего времени от того, о котором говорили вы, Семён Аркадьевич.

А. Н. Привалов

Ну, его же можно и переформулировать. Тогда власть знала, чего хотела, сейчас не знает.

Ю. А. Петров

А сейчас она хочет узнать.

А. Н. Привалов

А, она хочет узнать, чего бы ей захотеть. Да, это правильно. Господа, кто хотел бы задать вопрос? У меня записалась профессор Устюжанина, так что предоставляю ей слово. Пожалуйста.

Е. В. Устюжанина, *главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, профессор РЭУ имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор*

Спасибо большое. Прежде всего, я хотела бы сказать, что это были очень интересные доклады. У меня два вопроса к Юрию Александровичу — один практический, другой больше теоретический.

Как вы полагаете, насколько научное сообщество может хорошо писать учебники? Объясню свой вопрос. Я являюсь редактором четырёх учебников в разных областях экономики — микро, институциональная, финансы и так далее. Так вот, я могу сказать, что самый худший учебник под моей редакцией — это учебник в той области, которая интересует меня больше всего, — учебник по институциональной экономике, да простит меня Виктор Евгеньевич [руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, профессор, член-корреспондент РАН], который является одним из соавторов этого учебника.

Дело заключается в том, что здесь, как мне кажется, влияют два фактора. Во-первых, твой научный интерес перевешивает твои педагогические компетенции. А во-вторых, этот учебник по институциональной экономике просто был не отлажен. Я сейчас его буду переписывать. То есть для того, чтобы написать хороший учебник, сначала этот курс нужно раз десять прочитать, по моему мнению.

Это был первый вопрос — насколько вообще имеет смысл заказывать учебники научному сообществу?

Второй вопрос уже касается того, что вы говорили. Конечно, чрезвычайно важно, что все наши соседи и бывшие союзные республики обвиняют нас во всех своих бедах. Но так ли продуктивно, с вашей точки зрения, отрицать вообще колониальный характер нашей империи? Ведь понятно, почему они это делают: ничто так не объединяет нацию, как образ общего врага. И мы великолепно подходим для такого образа не потому, что мы действительно были врагами, а потому, что мы были главной нацией. И в данном случае, может быть, такая более мягкая формулировка идеи «наименьшего зла», о чём говорил профессор Экштут, была бы более понятна нашим соседям и вызывала бы у нас меньше разногласий. Спасибо, буду благодарна за ответ.

А. Н. Привалов

Юрий Александрович, прошу вас.

Ю. А. Петров

Хорошо, давайте попробуем. Первый вопрос очень, я бы сказал, кардинальный: умеют ли учёные писать учебники? Это редкость, я вам скажу так. Кабинетные учёные часто пишут и невнятно, и путано, ну и вообще не педагогично. Но в нашей линейке были и есть авторы и из нашего Института российской истории, и из МГУ, из других вузов. Мы специально искали людей, которые, во-первых, имели бы даже собственный педагогический опыт, то есть часто наши ученые преподают в лицах, школах и знают аудиторию, для которой пишут. И второе — это, что называется, умение владеть пером. Такие люди нашлись. Я скажу, что написали они неплохо.

А ещё, может быть, самый существенный фактор, который помогает улучшить качество учебника, — работа с методистом. Это ведь очень важное системообразующее звено — авторы, методисты, издатели. Хороший методист способен учебнику придать достойную форму. Я так понимаю, что профессор Устюжанина в такой роли и выступала, в роли редактора-методиста. Понятно, что от исходного материала здесь зависит очень много, но, повторюсь, хороший методист способен придать блестящую форму даже не слишком первоначально удачному тексту.

Ну а что касается того, стоит ли нам говорить о «меньшем зле» и каким образом убеждать наших бывших соотечественников в том, что им не так уж плохо было у нас,— я не знаю, мне не кажется эта идея продуктивной. Знаете, если мы начнём сейчас с покаянием выступать и говорить, что, ну ладно, вы уж нас извините, но вам было бы с Ираном или ещё с кем-то ещё хуже... Не знаю, такой посыл не примирит никого. Я вас уверяю, никого не примирит, а скорее, наоборот, создаст дополнительное поле.

Я ездил в Казахстан и в некоторые другие страны СНГ — они прямо-таки с ножом к горлу пристают: «Вы покайтесь! Покайтесь в ваших грехах по отношению к нашему народу». Повторяю, всякие были у нас отношения, были и репрессии, и голодовки, и прочее. Но так было вообще в стране! И выделять какой-то народ и каяться перед ним, мне кажется, совершенно неправильно. Так что возвращение к идее товарища Сталина о меньшем зле — не думаю, что это в данной ситуации кого-либо с кем-либо примирит.

А. Н. Привалов

Да уж, вряд ли.

С. А. Экштут

Позволю себе ещё пару слов сказать. Понимаете, я против того, чтобы рассматривать идею приращения территории Российской империи как идею колонизации. Потому что все национальные элиты сохранили свою власть, сохранили свою ответственность и были инкорпорированы в российскую элиту с сохранением своих титулов. Это очень важно. Более того, для них появилась возможность сделать карьеру, так сказать, на общероссийской площадке. Ни один колонизатор так никогда не поступает. Никаких дискриминаций по отношению к присоединённым территориям никогда не было.

Более того, действительно Россия очень часто выступала в качестве донора. Если же взять какие-то отдельные ситуации, скажем, ту же Польшу, то, когда присоединили царство, оно же Королевство Польское, к России по итогам Венского конгресса,— налоги, которые собирались в Польше, в Польше же и оставались. А кроме того, это Королевство...

А. Н. Привалов

Семён Аркадьевич, ну вы же понимаете, что разговор не о налогах, а о гоноре.

С. А. Экштут

О да!

А. Н. Привалов

Так о чём можно тогда говорить.

С. А. Экштут

Таки надо покаяться. Да, как же.

Ю. А. Петров

Ещё маленькое замечание. Я вспомнил хорошую цитату из работы моего друга, британского учёного Доминика Ливена. Если кто-то хочет узнать о Российской империи лучше и достовернее, почитайте его книгу «Российская империя и её враги». Это лучшая работа в этой области.

Так вот, Ливен приводит для сравнения модели «империя — колонии» в России и Великобритании следующее: в Российской империи происходило то, как если бы индийский махараджа был назначенным лордом-протектором Сассекса! Такое было совершенно немыслимо в Британской империи, а у нас в Российской империи — сплошь и рядом. Это многие именитые дворянские роды: Апраксины, Дашковы, Державины, Ермоловы, Шереметевы, Булгаковы, Голицыны, Милюковы, Годуновы, Кочубеи, Строгановы, Бунины, Куракины, Салтыковы, Сабуровы, Мансуровы, Юсуповы — всех не перечислить. Все прежние национальные элиты вошли, здесь я совершенно согласен с Семёном Аркадьевичем, в элиту Российской империи. В этом её коренное отличие от всех других империй.

А. Н. Привалов

И когда вся Империя поносила Лорис-Меликова — поносили за всё, что угодно, но не за то, что он «понаехавший». Профессор Тамбовцев хотел задать вопрос. Прошу вас.

В. Л. Тамбовцев, *доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Спасибо. У меня вопрос к первому докладчику. Я услышал рассказ о совершенно удивительном, абсолютно неверном объяснении того, почему в России сложилась мобилизационная экономика. Ну и, соответственно, роль государства якобы объективно обусловлена. Это всё не так. Но у меня вопрос-то другой. А даётся ли в учебнике хоть какое-то определение понятия «государство»? Очень интересно. Спасибо.

Ю. А. Петров

А почему вы так утвердительно сказали, Виталий Леонидович, что это неверно, и продолжили дальше? Положим, вы в этом уверены, а я, например, нет...

В. Л. Тамбовцев

По той простой причине, отвечаю сразу... Это без слишком глубокого ухода в экономическую теорию, который, разумеется, займёт очень много времени отдельного доклада.

Ю. А. Петров

Нет-нет, экономические теории здесь ни при чём, я же говорил о роли государства не в экономике, а вообще в жизни общества. Это гораздо шире, чем экономика. Отсюда эта мобилизационная модель и возникла, она и до Петра была, и при Петре особенно развивалась. С чем, собственно, связаны все его реформы? С потребностью выиграть войны. Все реформы связаны с этим. А какую форму приобретали эти реформы, прошу прощения за тавтологию? Он взял не западную модель — свободный труд и ману-

Доминик
Ливен

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЁ ВРАГИ

Св. кн. Доминик Александрович Ливен

Доминик Ливен (1952 г.р.) — историк, эмеритус первой школы, выпускник Кембриджского университета, стипендиат Гарвардского университета. С 1983 по 1991 гг. — советник Маргарет Тэтчер по вопросам внешней политики. В настоящее время — профессор истории в Кембриджском университете, член Национальной академии в области гуманитарных и социальных наук. Господином Ливен является специалистом по вопросам сравнительной истории империй, проблемам политической стабильности Барны в 1860—1939 годах, участия России Первой мировой войне и в Неполномасштабной войне.

фактура, он взял модель российскую — мануфактура и крепостной труд. Вот в этом и состоит мобилизационная модель: надо было заставить людей работать в интересах государства. Отсюда и растут ноги всей этой мобилизационной модели.

Это очень большая и длительная дискуссия: роль государства в истории России вещь такая, что можно обсуждать, что называется, не за одним круглым столом. А я не убеждён в том, что этот взгляд на историю России неверен. Мне кажется, напротив, большинство наших историков так полагают. Я не оракул и не мессия, моё мнение может быть и неверным, но в данном случае я транслировал более или менее общее представление о роли государства, которое существует в нашем сообществе.

А что касается определения, что такое «государство», — такие определения, конечно, есть, и их десятки. Смысл вопроса я тут не уловил. Я же не должен их приводить, тем более, конечно, я всё не помню.

А. Н. Привалов

Спасибо.

В. Л. Тамбовцев

Я же не прошу дать точное определение, я прошу хотя бы сказать, что понимается под государством в этом учебнике. Государство — это что?

А. Н. Привалов

«Верёвка — вервие простое»¹⁵.

¹⁵ Цитата из басни «Метафизический ученик» И. И. Хемницера (1745–1784).

В.Л. Тамбовцев

В.Л. Тамбовцев

Вот это «верёвка» или это что?

Ю.А. Петров

Это кнут и пряник.

В.Л. Тамбовцев

Это не определение, это какая-то поэзия, то есть к науке отношения не имеющая. А что-то околонаучное хотя бы есть? В смысле определения государства в этом учебнике?

А.Н. Привалов

Виталий Леонидович, мы говорим о школьных учебниках. Конечно, есть.

Ю.А. Петров

Если у вас есть внуки, возьмите их учебник, там всё написано, разумеется.

В.Л. Тамбовцев

Если вы считаете, что, говоря о школьных учебниках, мы не должны говорить о науке,— извините, тогда не надо преподавать там математику, физику и всё прочее.

Ю.А. Петров

А кто это сказал? Я, напротив, настаивал на том, что его составляли учёные и эти учебники соответствуют современным представлениям науки. Наш основной посыл именно в этом и заключается — чтоб учебники не противоречили науке.

В. Л. Тамбовцев

Ну да. Но ответа я так и не получил. Спасибо.

Ю. А. Петров

Ну хорошо, я, может быть, тогда пришлю вам цитату из учебника.

А. Н. Привалов

Максим Перов хотел задать вопрос. Прошу вас.

М. В. Перов, научный руководитель ИТП «Урбаника», профессор МААМ (Международная академия архитектуры)

Да, спасибо. У меня два вопроса к Юрию Александровичу. Первое — сохраняется ли европоцентричный взгляд на историю в этом учебнике? Потому что, по ходу обучения моих сыновей в школе, я увидел, что традиционный европоцентричный взгляд доминирует, а что там творилось на Востоке, как развивалась вообще мировая цивилизация,— это походя, незаметно.

Второй вопрос: насколько сильно включены экономические представления, точнее говоря, экономическая история в этот учебник истории? В советский период исторической движущей силой была, понятно, классовая борьба и так далее. А сегодня есть вполне чёткие экономические теории, промышленной революции прежде всего, и петровские реформы — это первая наша догоняющая модернизация; «красный проект» — вторая догоняющая индустриализации или модернизация. Рассматривается ли история в этом аспекте, в этом залоге в этом учебнике? Это вопрос к Юрию Александровичу.

Ю. А. Петров

Да, спасибо за вопросы. По поводу европоцентричности — знаете, когда обсуждаются такие учебники на уровне всей страны, возникает много предложений. В частности, от наших татарских коллег из Татарстана была идея начинать не с Древней Руси, а с Волжской Булгарии как более древнего государства. Но мы всё-таки остались на прежней позиции, я считаю, вполне обоснованной,— что ядром всей национальной истории является Древняя Русь. Все народы, регионы и территории, которые постепенно входят в её орбиту, постепенно присоединяются к России, становятся с этого момента частью нашей отечественной истории, что, соответственно, и излагается в учебнике.

Хочу подчеркнуть, что в этом смысле на Восток наш взгляд обращён достаточно внимательно и история освоения русскими Сибири, Дальнего Востока в учебнике представлена довольно хорошо, я бы сказал. Что касается предыстории этих земель, конечно же, это невозможно описать в учебнике сколько-нибудь подробно. Например, на территории Дальнего Востока в VII–VIII веках нашей эры существовало огромное и сильное государство Бохай, о котором сейчас, может быть, даже не все слышали. Нужно это ставить в учебник для 7–8-го класса? Не уверен. Поэтому, да, мы всё-таки исходим, конечно, из того, что центром начала истории России была европейская часть, конкретно Киевская Русь и её наследница Россия Московская.

М. В. Перов

По поводу экономической истории — я сам занимаюсь экономической историей и, разумеется, не мог бы этого упустить. Экономическая тематика в учебнике представлена. С поправкой, конечно, на возраст учеников. Историю России начинают изучать в 6-м классе, это детям 12 лет, и давать им какие-то сложные модернизационные теории с педагогической точки зрения было бы неправильно. Но все основные тренды и с петровской модернизацией, о которой я сегодня уже немножко говорил, в учебниках есть.

Хочу подчеркнуть, вы перешли сразу от Петра к советскому периоду, но была ещё и модернизация второй половины XIX — начала XX века. Она была на других основах, на рыночных, а не на крепостнических, как у Петра. И она была не менее, а может быть, и более успешной. Поэтому здесь, говоря о мобилизационной роли государства, мы отнюдь не упускаем из виду того, что частный бизнес времён Александра II сыграл значительную роль в истории России. И имена Морозова, Третьякова и многих-многих других, конечно, в учебнике есть. Этим рыночным силам своё место в учебнике мы отвели, ну а в какой мере устраивает это или нет — вопрос другой. Хорошо, если бы вы посмотрели этот учебник и сказали своё мнение.

М. В. Перов

Да, мне очень интересно.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Кто ещё хотел бы спросить? Татьяна Владимировна, прошу вас.

Т. В. Черниговская, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических и доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Я такой наивный вопрос хочу задать Юрию Александровичу. Скажите, пожалуйста, а эту игру с нашими соседями, мы её проиграли? Ведь похоже, что проиграли. Потому что ну как это оттащишь в обратную сторону? Время идёт, уже растут дети и уже выросли их родители в совершенно другой, так сказать, тональности — куда нам это деть? Если помните, когда все эти украинские истории начались, то стали говорить, вот, американцы вкладывали огромные деньги и в детские сады, в школы и бог знает куда. А мы где в это время были? На Марс летали? Кто мешал нам делать то же самое?

Но это дело как бы прошлое. Теперь, учитывая то, что вы рассказали об учебных историях в соседних странах, и это действительно повсеместно, они станут каноническими книгами, на них вырастет поколение нынешние, возможно, и следующие. Всё? Эта история закрыта уже? Выглядит так.

Ю. А. Петров

Татьяна Владимировна, ваш вопрос не наивный, а просто-таки бьющий в глаз. Дело в том, что никаких рычагов воздействия на страны СНГ в области просвещения и трактовки национальной истории мы не имеем. И в ближайшее время вряд ли получим. Да, мы ведём дискуссии в академическом сообществе с теми же казахстанцами и с другими, спорим о колонии и империи. Но эти споры на страницах учебников не отражаются. Там канонический текст уже сложился. И боюсь, в ближайшие годы мы на эту ситуацию повлиять не сможем. Поэтому, как я сегодня рассказал, это констатация того, что мы сейчас имеем. А что делать в этой ситуации — скажу честно: не знаю! Боюсь, что вы правы, мы эту войну проиграли.

Т. В. Черниговская

Ужас. А можно мне ещё один вопрос задать? Гораздо менее пафосный. Вот сейчас вошли в строй ФГОСы, правила программ в школах.

Ю. А. Петров

Федеральные государственные стандарты.

Т. В. Черниговская

Да. А это закон, против этого никуда не денешься. И там, в частности, есть, я в кавычках, естественно, говорю: «зачёт по патриотизму». Я человек этой, своей страны и всё понимаю. Но понимаете, как только детям начнут этот патриотизм прямо, как пирожок с капустой, в рот совать,— понятно, какая будет реакция.

Ю. А. Петров

Это, видимо, «зачёт» не в области истории.

Т. В. Черниговская

Ну зачем, я в кавычках говорю, но, во всяком случае, в ФГОСах это есть.

Т. В. Черниговская

Ю. А. Петров

Понимаю, да. Знаете, я думаю, что воспитание патриотизма через путь триумфов и успехов — не самый лучший способ воспитать патриотизм. Мы должны гордиться страной, и, конечно, нам есть чем гордиться, но и забывать то, что было и чего допустить снова нельзя, мы тоже обязаны.

Т. В. Черниговская

Ну да, но тоньше бы как-то.

Ю. А. Петров

Поэтому воспитание патриотизма, если оно идёт в таком фанфарном ключе, — вещь, скорее, вредная, и, скорее, она будет абсолютно неэффективной, имея в виду, что современная молодёжь, которая ходит на улицы и митингует, к этому будет абсолютно невосприимчива. Это, мне кажется, ход не нужный, я бы сказал.

А. Н. Привалов

Напоминаю, Эрнест Ренан говорил, что трагедии важнее триумфов. Андрей Николаевич Клепач, прошу вас, пожалуйста.

А.Н. Клепач, главный экономист Внешэкономбанка Российской Федерации

Я также хочу поблагодарить коллег за такое пронзительное и правдивое выступление. Но возвращаясь к вопросу, который только что прозвучал. Понятно, что мы не можем повлиять напрямую на то, что не просто пишут в учебниках, но на идеологию национальных элит, которые таким образом самоутверждаются, создают свои национальные мифы.

А.Н. Клепач

При этом мне трудно судить, что происходит в историческом сообществе, но у нас внешняя политика абсолютно, я бы сказал, беззубая, деидеологизированная. Я помню, какие усилия в своё время прилагал Константин Затулин, мы ему помогали, чтобы рассказать правду о Волынской резне ещё при Януковиче. Это даже тогда невозможно было сделать в Киеве и в Москве фактически всюду наталкивалось на сопротивление.

Я считаю, что не только на уровне собственно научного, исторического сообщества — нам надо вообще отстаивать видение истории как нашей, так и наших соседей, братских народов, тех, с кем нас связывала длинная историческая судьба и с кем нам всё равно придётся жить дальше. Отстаивать свою правду публично, даже массивно.

В этом плане показательна сегодняшняя статья Президента России, потому что впервые на таком уровне была высказана определённая позиция по отношению к Украине. По отношению к Казахстану она не высказывалась никогда и никем, как и по поводу того, как трактуется эта история в Узбекистане и в других бывших республиках Советского Союза.

Если мы и дальше будем занимать такого рода пассивную позицию, мы получим не просто националистические элиты, они и так достаточно националистические. Но нам будет очень сложно общаться на уровне культур, элит, народов, просто на уровне человеческого общения. Взять хотя бы тех же гастарбайтеров из среднеазиатских республик. Есть ли в этом смысл, на ваш взгляд?

Ю.А. Петров

Смысл в активизации нашей внешней политики?

А. Н. Клепач

Я бы так сказал: идеологической части.

Ю. А. Петров

Думаю, да. А как иначе? Если мы не будем вести хоть какую-то контригру, то точно проиграем. Не знаю, не берусь судить о внешней политике, но какие-то не только личностные, человеческие отношения, но и идеологические консенсусы на уровне государственном должны быть. Если мы говорим о желании сохранять наши организации, всякого рода ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭСы и пр., то под ними-то не может быть идеологии «Россия — враг», «Россия — оккупант» и что «Россия — империалист». И как они будут строиться? Надо как-то в этих структурах проводить идею о том, что не надо писать такие вещи.

Кстати, на Востоке это можно сделать. Я вспомнил один случай, когда вёл в Алма-Ате длительные дискуссии по поводу колониализма и прочего. В Астане узнали, что идут такие дебаты, и утром пришла телеграмма из Министерства высшего образования, в которой была буквально следующая фраза: «Рассматривать историю взаимоотношений России и Казахстана как историю столетнего добрососедства и дружбы». Всё! Сразу тональность сменилась, сразу пошёл совершенно иной разговор, без всякого рода нападок и требований покаяния. То есть эти механизмы там действуют. И если начальство на Востоке говорит, что не надо нападать на Россию, на российскую историю, то они могут услышать. Но для этого начальство должно услышать эту вещь, наверное, от нашего начальства. Вот так я скажу.

А. Н. Привалов

Совершенно верно, Юрий Александрович. Но всё-таки я бы заметил, что дело уже не только внешнее, но и внутреннее. Сначала нам Алексея Петровича Ермолова запретили поминать добрым словом, сейчас Александра Васильевича Суворова запрещают, а мы молчим, мы всё это глотаем. Госпожа Головачёва хотела вопрос задать. Прошу вас.

И. В. Головачёва, профессор кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литератур факультета свободных искусств СПбГУ, доктор филологии

Да, действительно, путаница небольшая. Я просто хотела сделать микрореплику в связи с только что произнесённым. Не будем целиком углубляться во внешнюю политику, а также в дела Министерства иностранных дел, пускай уж они сами разбираются. Но я просто не могу не напомнить, что эти писания наших соседей, бывших родственников, в частности, обусловлены победившей идеологией, а собственно, и философией, и культурологией *постколониализма*. Эта доминирующая теория даёт им не просто карты в руки, а она диктует этот тренд. Это мировой тренд. То есть где бы то ни было, где можно нащупать хоть что-нибудь напоминающее колониальное, антиколониальное, империалистическое whatever [что бы то ни было] — будь это Англия, будь это Франция или Испания — всё, что угодно, что подойдёт на роль империи, и можно даже добавить автоматически: «империи зла», — будет использовано. Здесь не только антироссийские пассажи, но и общая тенденция. На мой взгляд, это наименее вредная теория, порождённая последними десятилетиями. Потому что она испоганила умы вполне

И. В. Головачёва

даже толковых учёных и идеологизировала всё, что угодно, начиная с Шекспира.

Но у меня был и есть конкретный вопрос к докладчику, к Юрию Александровичу. Замечательный доклад, спасибо, я теперь устремлюсь читать учебник. Вопрос у меня такой. Мне всегда интереснее процесс, чем результат, и потому очень бы хотелось знать, какая историческая тема или темы вызвали наиболее ожесточённые споры и как они технически разрешились? Может быть, какой-то исторический этап, эпизод, что угодно?

Ю. А. Петров

Да, я сразу вспомнил, что, как только мы начали обсуждать этот стандарт с нашими коллегами из регионов, сразу возникла тема монголо-татарского ига. И была очень серьёзная дискуссия, было ли это иго действительно тяжким для России или же вхождение в Монгольскую империю принесло ей достаточно много преимуществ: баскаки, то есть налоги, перепись населения, ямская гоньба — всё это пошло от монголов. Были такие серьёзные споры, и в результате мы нашли какой-то компромисс, отказавшись от слова «иго» и заменив его неким эвфемизмом.

А. Н. Привалов

«Временное пребывание ограниченного контингента монголо-татарских войск на территории...» Ну да, конечно.

Ю. А. Петров

Длинновато, но пойдёт, по смыслу — да. Поэтому если кратко, таких эпизодов была масса. Можно себе представить, что если обратиться с этим стандартом сегодня в общество «Мемориал», мы получали бы один список претензий, чего у нас нет и не хватает. Если на следующий день обратиться в ветеранскую организацию,

А. Д. Воскресенский

то получили бы совершенно обратный список. Тут был очень непростой вопрос, как это всё суметь, что называется, ужать и не потерять смысла и цели нашей работы. Так что таких эпизодов было довольно много.

А. Н. Привалов

Спасибо. Господин Воскресенский, прошу вас.

А. Д. Воскресенский, *директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО (У) МИД России, профессор, доктор политических наук*

Хотел бы задать такой вопрос, без подковырки, чтобы было правильно понято. Я услышал такую концепцию, или мысль, у одного и другого докладчика это по-разному прозвучало, мой вопрос будет, наверное, к обоим: может быть, что история есть реализация замыслов руководства страны? Или, скажем, что история есть «правильное знание»? А есть, например, концепция, что в ходе обучения истории мы должны всё-таки воспитать человека с самостоятельным мышлением и с системой координат каких-то ценностей и так далее.

Я не трогаю вопрос, что это всё, конечно, связано напрямую с тем, что, мне кажется, невозможно сегодня разделить на внешнюю и внутреннюю политику. Они всегда связаны в какой-то степени, и, возможно, сейчас больше, чем когда-либо. Напрямую это связано, конечно, с той дискуссией, которая идёт в СНГ. И здесь возникает вопрос: должны мы примириться с этим или мы должны быть более идеологически активными? Или как тогда должны существовать в этом случае организации типа ШОС, БРИКС и так далее?

Но всё-таки прозвучала такая точка зрения, что есть политический взгляд на историю, а есть антропоцентричный. В самом начале прозвучала. И был задан вопрос:

а что такое государство? Мне кажется, что вопрос о том, что такое «государство» и как его понимать, на самом деле не такой глупый. И мы так отмахнулись от него...

Ю. А. Петров

Никто не говорил, что он глупый.

А. Д. Воскресенский

Ну хорошо, я обострил, да, отмахнулись от него. А всё-таки история как реализация замыслов государства — это какой, политический взгляд или антропоцентричный?

А. Н. Привалов

Но это же сталинский взгляд, как вам сказали. Это был взгляд конкретно при создании учебника под руководством Сталина. О чем тут спрашивать?

А. Д. Воскресенский

Вы интерпретируете, у нас есть докладчики, они могут ответить сами. Чтобы было понятно, нам в качестве сталинского взгляда (я записывал) была предложена история как реализация замыслов руководства и правильное знание. Я это тоже обозначил. Вопрос про другое всё-таки. Потому что от того, как мы понимаем государство, зависит в том числе и то, как мы видим историю. И вопрос по поводу государства, который был первым, по-моему, в этом смысле в точку всей нашей дискуссии. Все последующие вопросы о том, как видят нашу историю СНГ, бывшие части Советского Союза, как видят другие, — кто-то же пишет, что там должно быть. Будет ли у нас ШОС, каким он будет и так далее, — всё это, на самом деле, связано ведь с вопросом о государстве.

Ю. А. Петров

Да, я попытаюсь как-то сформулировать, но не определение государства, я не возьмусь сейчас это воспроизвести. Конечно, интуитивно мы, видимо, все примерно понимаем одинаково, что такое государство, но привести формулировку в данном случае не возьмусь. А что касается «по заказу государства делается история» — вы имеете в виду историю как учебный предмет в школе? Или вообще вся история страны происходит по заказу государства?

А. Д. Воскресенский

Я всё-таки имею в виду... Вы интерпретируете уже мой вопрос.

Ю. А. Петров

Вы сказали про «подковырку» — мы отвечаем.

А. Д. Воскресенский

А, не нужно было про это говорить, хорошо. Нет, мы всё-таки говорим об учебниках истории, о взгляде на историю, транслированном в учебнике как замысле государства. А уж как мы понимаем, какое определение, — это уж как хотите.

Ю. А. Петров

Я вас понял. Давайте не демонизировать государство. Как будто бы оно за всем следит и всё знает, как сделать наперёд. А ситуация была совершенно простая, я с этого сегодня начал: когда президент прочитал учебники, по которым учились его дочери, он увидел, что там написано, мягко говоря, не то, чему его учили в школе. Понятно, что эти рассуждения, неверные абсолютно формулировки, интерпретации и вызвали интерес. Президент дал команду разобраться, и работа, что называется, пошла. Но, повторяю, он ничего здесь не навязывал. У нас была встреча разработчиков этого стандарта с первым лицом. Могу прямо сказать, он никогда не говорил, что ему кажется так, а вот здесь было вот так.

А. Д. Воскресенский

То есть, если бы он не взглянул в учебник, этот вопрос вообще не возник бы?

Ю. А. Петров

Он ориентировался на мнение нашего экспертного сообщества: мы говорили, а вот нам кажется, что было так, и это проходило. То есть по сравнению с временами Сталина ситуация изменилась, я считаю, кардинально и в лучшую сторону.

А. Н. Привалов

Виктор Петрович Мазурик — прошу вас.

В. П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Коллеги, давайте оставим пока такие абстрактные вопросы, как дефиниция государства, предположив, что это просто модель самоорганизации общества, весьма разнообразная по форме в зависимости от эпохи, состояния общества и т.д. А у меня вот какие вопросы.

Я согласен с Александром Николаевичем в оценке необычайной сложности задачи, стоявшей перед авторами учебника, — избежать политических стычек, сохранить объективность, не утратив при этом воспитательную цель. Но ведь всё это требует содержательного объёма. Чем активнее исторические деятели — Иван Грозный, Пётр Первый, Сталин, — тем они амбивалентнее и сложнее для объективного взвешивания всех *pro et contra*. С одной стороны, не следует, конечно, превращать школьный учебник истории в научную монографию, а с другой — нельзя грешить против хотя бы минимального уровня объективности. Как вам удалось совместить всё это в строго ограниченном объёме учебного процесса в школе? Это первое.

Второй вопрос вытекает из первого. Нельзя понять до конца себя самих без соотношения с другими. Ставилась ли задача хотя бы вскользь познакомить учащихся со взглядом на Россию со стороны иностранцев — европейцев, азиатов, американцев? Как бы мы ни относились к чужим оценкам, совсем ведь игнорировать их невозможно.

В. П. Мазурик

Ю. А. Петров

Ну да, вы совершенно справедливо заметили, что объём информации по истории громаден. И был вопрос в том, как его втиснуть в ложе учебника. Теперь вы говорите, давайте ещё и взгляд со стороны добавим. Но это шутка, я понимаю.

Да, объём информации действительно огромен, нам помогал этот стандарт, с которого я начал сегодня говорить. Мы определили для себя, какие персоны, какие события, факты, даты должны войти в учебник. Что касается взгляда со стороны — это очень интересный вопрос. Например, о периоде Древней Руси у нас источников совсем мало, и мы используем, например, записи Ибн Хордадбега [мусульманский географ иранского происхождения, 820 г. от РХ] и других арабских путешественников, которые, проезжая по Руси, что-то описывали. Для нас уже это не взгляд со стороны, а объективная реальность. Они видели что-то, и мы воспринимаем это как знание.

А потом, где-то с середины Средних веков, века с XV, появились путешественники, например Сигизмунд фон Герберштейн при Иване Грозном, которые долго здесь служили, оставляли разные свои воспоминания. Мы и Герберштейна упоминали в этом учебнике, и даже, представьте, знаменитого «пасквилянта» де Кюстина [французский монархист, писатель, путешественник; приобрёл мировую известность изданием своих записок «России в 1839 году»]. Даже его упомянули, его характеристику нравов и обычаев русских, что со стороны бывает виднее, чем нам самим. Так что эта тема в какой-то мере присутствует, но, конечно, она, сами понимаете, не центральная, но мы пытались это сделать.

Д. Н. Курочкин, *вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации*

Юрий Александрович, вы сказали, что вы против так называемого «фанфарного» подхода. Это крайне удивительно, ведь во всем мире во все времена у всех народов преподавание истории в школе было основано — сейчас основано и, видимо, будет

Д. Н. Курочкин

основано именно на фанфарном таком подходе, когда детям объясняют, что «наша страна самая лучшая», «наш народ самый лучший» и так далее. Вот когда человек взрослеет, когда он получает высшее образование, изучает ту же историю в институте, потом в аспирантуре, он уже поднимается до каких-то более серьезных обобщений. А детям объясняют только это.

Вы, наверное, знаете прекрасную книгу одного французского писателя, как преподают историю во всех школах мира. Изучая интереснейший материал, он показывает, что подходы-то везде одинаковые — «фанфарные». И только в нашей стране, удивительно, и в советские времена, за исключением очень короткого периода 1940-х годов, когда действительно был достаточно патриотический подход к образованию, — у нас, в общем-то, занимались больше самооплёвыванием. Поэтому то, что мы сейчас наблюдаем, говорим, что проигрываем и прочее, — да это ж результат нашей собственной работы!

Я был в Корее, в так называемой демилитаризованной зоне на 38-й параллели, где у них есть музей мировых военных конфликтов, где представлены камни, собранные со всех мест военных конфликтов. Так вот, вы не поверите, я там нашёл камень, где написано: «Советское вторжение в Казахстан. 1916 год». Каждое слово стреляет: советское вторжение в Казахстан в 1916 году! — когда не было ни Казахстана, ни, естественно, Советского Союза. Тем не менее кто-то заботливо притащил этот камушек, и корейцы искренне верят, что, видимо, такой конфликт был, они сочувствуют жертвам этого вторжения.

Я к тому, что просто даже удивительно! Если мы говорим об учебнике для 7-го класса, то никакого другого подхода, кроме, как вы сказали, фанфарного, а именно речь идёт о самоуважении к собственной истории, быть не может.

Ю. А. Петров

Это вопрос или утверждение?

Д. Н. Курочкин

Я хотел бы узнать, не видите ли вы противоречия в собственных подходах, которые вы только что изложили?

Ю. А. Петров

Да, я согласен, существенный очень момент насчёт самооплёвывания и прочего. Всё это действительно было сплошь и рядом в 90-е годы во всех тех учебниках, о которых мы сегодня стараемся забыть. Но можно ли, отрекаясь от того периода самооплёвывания, переходить в иную грань, в иную крайность, будто у нас вообще нет никаких конфликтов? Вы знаете, так можно ведь дойти до того, что и Пугачёва объявить иностранным агентом. Вот, мол, у нас всё было хорошо, а он устроил восстание. Или что такое для школьников Смута начала XVII века? Как можно её описать в розовых красках? Никак нельзя.

Не буду сейчас говорить за национальные школы в Европе, у них там свои министерства и свои учебные программы. Вы абсолютно правы, национальные интересы там подчёркнуто заточены на то, чтобы свою нацию хотя бы немного, но возвысить на фоне других и так далее. Но, мне кажется, это худший пример такого националистического искажения истории. Если описывать историю только в благостных тонах, я боюсь, что эти дети, когда вырастут, спросят: «Чему же вы нас учили, вообще говоря? Где же правда? Вы нам всё только в розовом свете рисовали». А там было много и чёрного.

Одним словом, как писать отечественную историю — вопрос философский. Но, разумеется, в младших классах не должно быть много негатива, тут я согласен даже с точки зрения детской педагогики. Обойти её совершенно тоже нельзя. Но, как мне кажется, период 10–11-го классов, когда юноши и девушки уже начинают понимать, когда они уже становятся более-менее взрослыми, — вот это как раз благодатное время для того, чтобы порассуждать на тему отечественной истории, какая она была в XX веке.

Как ни крути, причины революции 1917 года мы не объясним отдельными происками чьих-либо разведок, не объясним одними заговорами масонов и либералов. Революцию мы таким образом не поймём. А если мы начнём, как становится сейчас всё более модным, изображать это как некое внешнее привнесение, — мол, Россия была абсолютно бесконфликтным государством, революционные конфликты произошли по внешней, так сказать, инициативе, — я думаю, что ничего хорошего из этого не получится. Если мы сами не захотим понять смысл наших трудностей, наших конфликтов в прошлом, мы обречены на то, чтобы и в будущем биться, что называется, лбом о ту же стену. Вот моя позиция.

А. Н. Привалов

Спасибо, Юрий Александрович. Я так понимаю, что с вопросами мы сильно затянули, у нас практически не остаётся времени на высказывания. Я передаю слово Иосифу Евгеньевичу Дискину, попросившему слово, другие желающие высказаться дайте знать. Прошу.

И.Е. Дискин, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ, ведущий эксперт Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ, доктор экономических наук

Спасибо большое. Прежде всего я хотел бы обратить внимание на огромный разрыв между вступительным импульсом, который нам задал наш председатель, и тем, что было рассказано далее. Ключевой фразой в первом случае была: «история — это самосознание нации». В значительной мере историю так и преподавали с Нового времени.

Давайте вспомним, Бисмарку приписывают известные слова о том, что битву при Садовой [или Садове, деревня в Чехии] выиграл прусский учитель. Кто бы это ни сказал, но система гуманитарных наук имела чёткую цель — формирование гражданина ответственного, активного и так далее. Сегодня я бы её уточнил: социализация и социальная интеграция — это условие эффективного функционирования всей системы социальных институтов. И как только начинаешь отталкиваться от этой цели, многое становится понятным о том разрыве между посылом, который был сделан изначально, и изложением истории, которое мы услышали.

Хочу обратить внимание, когда начался разговор о преподавании истории в советской школе: в 1931 году. То есть в тот момент, когда в нашей стране был завершён выбор цели между всемирной пролетарской революцией и формированием национального государства. По поводу образованности Сталина я хотел бы обратить внимание на один момент его биографии. Где была написана статья «Марксизм и национальный вопрос»? В Вене, которая тогда была центром дискуссий по национальному вопросу. В ходе подготовки этой статьи велась активная заочная дискуссия Сталина с первым тогдашним экспертом по национальным проблемам Карлом Реннером¹⁶. Благодарный Сталин сделал его потом первым президентом послевоенной Австрии.

Сталин вполне понимал значение преподавания истории, понимал, в какой мере исторический нарратив формирует легитимность существующего государственного строя. Борьба шла за это. Надо сказать, что советская школа её выиграла. Все, кто изучал историю Великой Отечественной войны, знает, что к октябрю 1941 года профессиональная армия была выбита, на смену пришли десятиклассники, прошедшие к тому времени тот самый курс советской истории, идеологически мобилизованные патриоты, одновременно достаточно образованные, чтобы участвовать в войне мотров. Это к вопросу о том, как была реализована комплексная программа патриотического воспитания: фильмы, воспитание историей и т.д.

Я не к тому, чтобы возвращаться к тем временам. Жизнь стала сложнее. Когда мы говорим, что преподавание истории необходимо нам как способ формирования активного и ответственного гражданина, способного взаимодействовать со сложной системой общественных и государственных институтов, — возникает вопрос: а что лежит в основе такого социального института, как нация? Ведь нация — это институт, задающий критерии легитимности всей системы социальных институтов. Тогда следует вопрос: а соответствует ли нарратив истории, развёрнутый в массовом сознании, в системе образования и воспитания, задачам социализации и социальной интеграции?

---

¹⁶ Карл Рённер (нем. *Karl Renner*; 1870–1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны. — И.Д.

И.Е. Дискин

В какой-то мере этот нарратив, конечно, корреспондирует с наследием Иловайского, но сегодня ведь не зря был задан вопрос об определении государства. Я бы в этой же связи задал вопрос, например, по поводу определении нации. Не в таком виде, как записано в стратегии госнацполитики, а в формулировке, определяющей задачи легитимации социально-политической системы.

Для людей, связанных с методологией социальных наук, становится понятным, что то, что сегодня рассматривается в качестве истории, — а критерием науки является каузальность, причинная взаимообусловленность, — в значительной мере утратило статус социальной науки. И первым условием, при котором история как учебный курс может обеспечить реализацию социализации и социальной интеграции, является включение в неё современных достижений социальных наук. В том числе институциональной социологии, в ходе которой, конечно, и будет воспроизведено представление о государстве.

Самое главное, что отсутствует сегодня в предлагаемом нарративе, это нравственно-этическое измерение, без которого не может функционировать нация. В своё время, больше ста лет назад, в «Вехах» был поставлен этот вопрос со словами, что без воспитания возможна либо охлократия, либо деспотия. Сегодня, когда говорится, что государство является как бы доминирующим игроком в историческом процессе, остаётся непонятным, как государство взаимодействует с тем, что мы сегодня называем гражданским обществом. А тогда это взаимодействие проявлялось в разных ипостасях, включая тот факт, что русская интеллигенция, извините, была далеко не на высоте в диалоге с государством. Невозможно уйти от факта, что гражданское общество активно рушило российское государство. Притом что, конечно, тогдашнее государство допустило бездну всяких просчётов и ужасов. Но, извиняйте, остаётся также известный вопрос, заданный ещё в 1960-х годах: а кто написал 6 миллионов доносов?

Поэтому, как только мы попробуем подойти к историческим событиям с позиции

современных представлений об институциональных процессах, мы получим во многом иную картину. Следует отметить, что такие попытки уже делаются. Здесь можно упомянуть, с одной стороны, известнейшую работу «Насилие и социальные порядки» Дугласа Норта (можно не со всем соглашаться, я говорю о методологическом подходе). Можно говорить о последнем бестселлере американских экономистов Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор», где рассматривается, да, пусть наивно, пусть не вполне корректно, взаимодействие государства и общества при формировании институтов.

Как только мы начинаем смотреть таким образом, исторические события становятся аргументом в становлении и общества и государства. И самое главное — в формировании нравственно-этического фундамента российского общества, без которого невозможно создать сколько-нибудь эффективную систему социальных институтов. И, между прочим, невозможна национальная конкурентоспособность, которая сегодня тоже должна стать предметом нашей общей заботы. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Иосиф Евгеньевич.

В. Л. Тамбовцев

Александр Николаевич, можно? Я буду краток. Я хочу сказать следующее. Как только мы начинаем говорить о том, что задача истории или, точнее говоря, историографии — это воспитание чего-то, мы тем самым автоматически говорим, что историография наукой не является. Может быть, есть такие современные взгляды в методологии, что историография — это не наука. Как, к примеру, есть социальный конструктивизм и так далее, которые сводят вообще социальные науки к тому, что в народе называют *folk theory*, такие народные представления о чём-то, вот и социальные науки таковы.

Но это всё, естественно, заблуждения, которые не учитывают результатов, которые получаются в естественной науке, например про автоматизм обучения. Про то, что мозг устроен так, поэтому, собственно, люди и существуют; мозг устроен так, что он сам по себе, независимо от нашего желания, выявляет закономерности. А методологи говорят: социальные науки не могут выявлять закономерности, это очень сложно. То есть кошечки и собачки могут, а социальные учёные не могут. Вот так устроена современная методология социальных наук. Это первый момент.

Второй. Я очень рад, что в учебнике истории для школьников так называемые современные представления методологии о историографии не являются основой. Напротив, основой там, как мы поняли из доклада, является научное понимание истории. У историографии есть единственная задача: попытаться определить, попытаться выявить, как и что было в прошлом, почему оно происходило. Вопрос интерпретации и трактовок — это не задача науки, если её понимать, естественно, как науку, а не как *folk theories*.

Так вот, я очень рад, что в учебниках истории сделана, по всей вероятности, убедительная, очень сложная, вместе с тем корректная и правильная попытка ознакомить учащихся 7–10-х классов с тем, как работает, как устроена наука. Интерпретация происходит, как я уже говорил, независимо во многом от нашей воли и сознания. Есть люди,

причём, вероятно, обладающие большой властью, которые этого не знают и не понимают. Они считают, что, если они что-то напишут в книге, все будут так и думать. Да, глупые люди будут так думать. Но таких людей бывает много, бывает не очень много. Но есть и совсем другие — которые читают написанное и понимают, что это чушь собачья, и далее поступают так, как они могут или как хотят.

Поэтому ещё раз говорю, я очень рад, что учебник следует научному пониманию историографии, а не современному методологическому. Ну а то, что там есть некие неточности и некорректность с точки зрения экономической теории, — это же не учебник экономической истории, это учебник истории вообще, и он вполне может себе позволить допускать неточности с точки зрения экономической теории.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виталий Леонидович.

Ю. А. Петров

Позвольте маленькую реплику. Правда, Семён Аркадьевич чего-то отмалчивается, я тут как бы один на арене. Тем не менее, Виталий Леонидович, учебник физики есть, учебник математики есть. Правда? И это не мешает оставаться этим дисциплинам наукой. Я к тому, что учебник истории — это тоже производная функция исторической науки. Для меня совершенно очевидно, что мы должны передавать знания новым поколениям об истории и именно в форме учебных пособий, учебников. У нас не будет никакой преемственности, если люди сочтут, что учебники — это недостойное их внимания чтение. Я думаю, что здесь, на самом деле, большого противоречия нет. История — это тоже наука, у которой есть своя определённая педагогическая функция. Это, в общем, применимо и ко всем другим научным дисциплинам.

В. Л. Тамбовцев

Юрий Александрович, я именно это и хотел сказать. Дело в том, что в одном из предыдущих выступлений, которое было передо мной, звучала мысль... Я за этот учебник.

А. Н. Привалов

Виталий Леонидович, мы поняли. Кто ещё хотел бы высказаться?

В. П. Мазурик

Можно коротенькую реплику? Общеизвестно, что результат исследования зависит от поставленной цели и применённых методов, причём различные результаты все по-своему верны и обслуживают определённый сегмент практики. Тем более когда речь идёт о прикладных аспектах науки, а школьная история, как уже говорилось, — прежде всего инструмент формирования единого национального самосознания. И я очень рад, что составители учебника придают этому особое значение.

Но я хотел бы обратить внимание на то, о чём говорил мой коллега Алексей Дмитриевич Воскресенский и что мне как востоковеду очень даже понятно, а именно — о государстве не как о политико-экономическом, но культурно-антропологическом инструменте организации общества. Ведь в современном плюралистическом мире

начинает доминировать ещё одна очень важная задача государства — сохранение культурного кода в виде религиозно-этической традиции, системы образования, семейного уклада и т.д.

Люди понимали это задолго до образования такой категории, как нация. Японский император Тэмму в конце VII века, отдавая приказ чиновнику Оно-но Ясумаро об унификации мифо-исторического сказания, прямо заявил, что единое повествование есть основа ткани государства.

А уже через триста лет, в конце X столетия, писательница Мурасаки Сикибу в своём романе «Повесть о Гэндзи» замечает, что лирическая проза в одном отношении превосходит даже священные летописи, ибо не только сообщает факты, но даёт возможность читателю лично пережить их и получить образ описываемой эпохи. Но ведь именно в таком виде история хранится в памяти поколений (за исключением профессиональных историков, которые пытаются всё время этот образ уточнять на основе строгих исследований).

И главное моё беспокойство в отношении гуманитарного образования в средней школе связано с тем, что мы на глазах теряем традиционный дискурс, — до такой степени, что учащиеся не способны уже правильно понять словесную формулировку задачи по физике или математике. Что уж тут говорить об истории с её философскими проблемами и эмоциональным восприятием. И если срочно не задумываться о путях выхода из этого тупика, мы рискуем в ближайшем будущем свети не только историю, но и другие гуманитарные предметы к альтернативным компьютерным играм.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Виктор Петрович. Виктор Викторович Кондрашин — пожалуйста, вам слово.

В. В. Кондрашин, *руководитель Центра экономической истории, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор*

Уважаемые коллеги! Конечно, большое спасибо докладчикам за содержательные выступления. Хочу отреагировать на один аспект дискуссии по поводу проблемы с интерпретацией актуальных проблем истории России в бывших советских республиках. И высказать своё мнение насчёт того, «проиграли» ли мы на «историческом фронте» Украине и т.д.

Волей судеб уже несколько десятилетий мне приходится участвовать в дискуссии с украинскими исследователями — сторонниками концепции геноцида Украины голодомором сталинским руководством СССР. До киевского майдана я регулярно бывал на Украине и воочию наблюдал за безумной и местами абсурдной с точки зрения здравого смысла политизацией общей трагедии народов СССР.

Дело дошло до того, что в украинских школах во времена президентства В. А. Ющенко в административном порядке были созданы «уголки голодомора» (с бутафорской могилкой и крестиком). Дети должны были писать сочинения на эту тему и даже рисовать что-то для специальных «конкурсов рисунков». Первого сентября и весной во всех украинских школах проводились «уроки голодомора». При

В. В. Кондрашин

этом учёные мужи самого высокого уровня заявляли нам, оппонентам концепции «геноцида голодомором», что все это нужно им для укрепления возрождённой государственности, а Россия не должна по этому поводу расстраиваться. То есть у вас своя история — у нас своя, и нечего из-за этого ломать копья.

Чем все закончилось, вы знаете, и действительно у нас нет сил, чтобы изменить ситуацию. Но у нас есть главное — научный подход к изучению сложных страниц истории Российской империи – СССР. И эту линию нужно гнуть во что бы то ни стало и вопреки всему, в том числе в школьных учебниках. Как она может успешно действовать в долговременной перспективе, приведу два примера.

Первый — это было в 2010 году. Тогда в Москву в рамках выполнения поручения ПАСЕ о выяснении обстоятельств наступления в 1932–1933 годах голода на Украине прибыл еврокомиссар Мевлют Чавошоглу (ныне министр иностранных дел Турции) для ознакомления с выставкой архивных документов на эту тему, организованной Росархивом в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Перед этим он посетил Киев, где ему показали несколько сотен дел людоедов, чтобы продемонстрировать ужас политики союзного центра в начале 1930-х годов в УССР и тем самым убедить ПАСЕ поддержать инициативу Украины о признании украинского голода геноцидом, с возложением ответственности за этот геноцид на Российскую Федерацию как правопреемницу СССР.

Ваш покорный слуга в качестве организатора вышеназванной выставки и научного руководителя международного проекта Росархива «Голод в СССР. 1929–1934» вместе с нынешним руководителем Росархива А. Н. Артизовым и директором РГАЭ Е. А. Тюриной показали высокому гостю документы и рассказали свою версию событий на Украине и в СССР в 1932–1933 годах. Как известно, ПАСЕ не поддержала украинскую версию.

Второй пример — это международный конгресс по экономической истории в Киото в августе 2015 года, на котором мною и моим австралийским коллегой, профессором Мельбурнского университета, была организована секция о голоде 1932–1933 годов в СССР. К нашему удивлению, она не вызвала особого интереса со стороны участников конгресса, в отличие от предшествующих научных форумов в США, Австралии, Италии, Франции и других странах, когда дебаты между сторонниками и противниками «геноцидной» концепции указанной трагедии проходили в заполненных публикой и диспутантами залах. Пришедший на панель польский участник конгресса объяснил свой приход просто желанием увидеть нас как старых знакомых. Что же касается темы секции, то, как он объяснил, для него и серьёзных исследователей уже давно всё стало ясно по поводу «геноцида голодомором Украины»: политика, и никакой науки. То есть научный подход к проблеме уже побеждает за пределами Украины в мировом научном сообществе, хотя пока проигрывает в самой Украине.

Таким образом, главное оружие историков на отечественном и международном «историческом фронте», а также на ниве народного исторического просвещения, включая формат школьных учебников, — это научный подход. И в долговременной перспективе победа на исторических «фронтах» за теми, кто придерживается такого подхода и пытается пропагандировать в различных форматах в разных аудиториях. К их числу, несомненно, относятся сегодняшние докладчики с представленными трудами по истории России.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виктор Викторович. Теперь позволю себе предоставить завершающее слово нашим уважаемым докладчикам с ещё одной благодарностью за ваши прекрасные сообщения. Юрий Александрович, прошу вас.

Ю. А. Петров

Спасибо. Я буду краток, хочу только выразить благодарность за интерес, который я почувствовал к этой теме, за интересные рассуждения. Это оставляет хорошее ощущение от нашего сегодняшнего разговора как разговора заинтересованного.

Мне было важно услышать мнения людей из разных научных сфер — и философов, и математиков, и экономистов. Это всё очень важные вещи. Тем более что ваши дети и внуки всё же будут учиться по этим учебникам, и понятно, что вы в них тоже заинтересованы. Единственная просьба: может быть, всё-таки найдёте время и полистаете их. Сегодня заочно, можно сказать, я рекламировал товар, и он представлен вам только с моих слов. Посмотрите, пожалуйста, и если будут какие-то конкретные соображения, замечания — я с удовольствием попытаюсь это учесть в новых изданиях.

Что касается экономической теории, которую сегодня упоминали, и Дуглас Норт и Дарон Асемоглу — это всем известные мировые лидеры экономических теорий, которые, в общем-то, носят общемировой характер, без всякой национальной специфики. На их представлениях мы не можем строить историю России. Чаще всего Россия в их исследованиях не присутствует, они говорят об отсутствии источников, возможно, они и правы. Поэтому никто за нас историю России институционально, концептуально не разработает. Это остаётся нашей задачей, и я считаю, что это наша

миссия. Высокое слово, конечно, но всё равно это остаётся нашим обязательством перед будущими поколениями.

Что мы, собственно, хотим? Мы хотим передать то, что мы знаем,— очищенную истину от всякого рода напластований, лжи и невежества. Эту истину мы хотим передать нашим детям и внукам. Вот наша главная задача, которую мы и пытаемся решить этими новыми учебниками.

Они входят постепенно в школьный оборот, но там ещё остаётся довольно много старых, прежних интерпретаций. Откуда взялась эта история с недавней реакцией президента на то, что в одном из школьных пособий ничего не написано про Сталинградскую битву? Просто выяснилось, что это был учебник, курс под названием «Россия в мире», в котором предпринималась попытка показать Россию на фоне событий мировой истории. Поэтому, когда речь шла о Второй мировой войне, авторы писали о чём угодно — о Японии, об Эль-Аламейне, о взятии Парижа,— а о Сталинграде не написали.

Это, конечно же, упущение, но надо исходить из того, что этот учебник и вообще этот курс «Россия в мире» оказался довольно безрезультатным. Видимо, Министерство просвещения будет от него отказываться в пользу собственно истории России, чего мы все, профессиональные историки, и хотим. Мы хотим, чтобы ученики в школе как можно больше читали и знали об истории России. Если это произойдёт, будем считать нашу задачу выполненной. Спасибо

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Семён Аркадьевич, прошу вас.

С. А. Экштут

Буквально несколько слов. Мы говорили об истории как о некоем повествовании, некоем тексте. Но мы совершенно не затрагивали один аспект, с моей точки зрения, исключительно важный: история как некий визуальный образ. Потому что параллельно с созданием новых учебников тот же Иосиф Виссарионович Сталин велел снимать патриотические фильмы, он формировал визуальный образ нашего прошлого. Студия военных художников имени Грекова тоже писала картины. Другой вопрос, каково было качество этих картин, но создавался образ.

Учебники, которые сейчас будут написаны, должны содержать иллюстрации, должен быть какой-то визуальный образ. Вот какие будут эти иллюстрации, тоже вопрос исключительно важный. Я специально занимался этим вопросом и выяснил, что после того, как мирискусники создали такой роскошный комплект из 50 картин по русской истории,— причём там были не только картины, написанные Бенуа, Лансере, Бакстом, знаменитая картина Серова, где изображён Пётр Великий при строительстве Петербурга,— к этим картинам прилагались тексты, написанные крупными историками.

По сию пору ни в нашей исторической живописи, ни в нашей истории как науке, как повествовании нет ничего подобного. И вот я думаю, что задача состоит в том, чтобы создать нечто подобное, где визуальный образ будет сочетаться с неким повествованием. Будет ли это сделано на уровне школьного учебника истории или это будет сделано на уровне каких-то самостоятельных живописных произведений,

я не берусь предсказывать. Или это будут сниматься какие-то художественные фильмы на тему истории. Но для меня абсолютно ясно, что вопрос должен на государственном уровне решаться комплексно. То есть нужно писать учебники, нужно снимать кинофильмы, нужно снимать какие-то просветительские программы. Государство должно понимать, что, поскольку этот процесс в очень сильной степени коммерциализирован, без какого-то серьёзного государственного вмешательства изменить ситуацию не удастся. Вот, пожалуй, всё.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Семён Аркадьевич. По традиции я позволю себе несколько слов от наблюдателя происшедшего, от ведущего.

Много раз в самых разных аспектах затрагивалась сегодня одна и та же тема — роль государства в истории России, в создании истории России, заказе истории России. И тут мне кажется, что нам особенно извиняться не стоит. Страны бывают разные, нации бывают разные. Вот простейший пример. Если мы представим себе идеальную историю классической Греции и идеальную историю классического Рима, — ну совершенно же очевидно, что в первой государства будет очень мало, во второй государства будет очень много. Просто потому, что это разные истории.

В истории России государства обязательно должно быть очень много, потому что его и было очень много в нашей истории. Напомню, что Россия — чуть ли не единственное государство из ныне существующих, которое за последние 500 или 600 лет ни разу не утрачивало независимость. Нас всего-то двое таких — Великобритания и мы. Других просто нет. Почему это надо замазывать, я не очень понимаю. Так что название великой «Истории» Николая Михайловича Карамзина, который ввёл в моду быть русским, который ввёл в моду любовь к России в её сколько-нибудь

современном понимании,— название «История государства Российского» совершенно не стыдно. Если открыть этот великий труд, то мы заметим, что знаменитый термин «гражданское общество» там появляется то ли в первом, то ли во втором абзаце. Всё, что нужно по сегодняшним представлениям, там тоже есть. Поэтому какой-то идеальный вариант работы Николая Михайловича в наши дни тоже, в принципе, возможен.

Юрий Александрович совершенно прав, мы сегодня обсуждали безумно важную тему. Только я бы сказал, что ещё более важную, чем он нам сказал. Он нам сказал, что она важна, потому что дети, внуки и правнуки собравшихся будут учиться по этим учебникам. Да это пустяки. Внуки, правнуки и так далее здесь собравшихся будут жить в той России, которую образуют люди, выучившиеся по этим учебникам. Ничего важнее этого просто нет. Поэтому ещё раз огромное спасибо и докладчикам, и всем участникам. Спасибо!

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий:
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 114

«ИСТОРИЯ» В ШКОЛЕ

Редактор выпуска *Наталья Румянцева*

nikitskyclub@moex.com,
www.nikitskyclub.ru